Ш37
36145

Т. Г. Шевченко.

КОБЗАРЬ

ВЪ ПЕРЕВОДѢ

И. А. Бѣлоусова.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., с. д.
Москва — 1911.

Евгенію Іосифовичу Шведеру
Съ чувствомъ искренняго уваженія и на добрую память
И. Бѣлоусовъ

Т. Г. Шевченко.

Ш 37

КОБЗАРЬ

Р 361945

ВЪ ПЕРЕВОДѢ
И. А. Бѣлоусова.

Днiпропетровська обласна бібліотека

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва — 1911.

1.

Доля

Ти не лукавила зо мною,
Ти другомъ, братомъ, и сестрою
Сиромі стала. Ти взяла
Мене маленького за руку
И въ школу хлопця одвела
До пьяного дяка въ науку
Учись серденько, колись
Зъ насъ будуть люде ти сказала.
А я й послухавъ, и учивсь,
И вывчивсь а ты збрехала
Якы зъ насъ люде? Та дармà
Мы не лукавили съ тобою,
Мы просто йшлы. у насъ нема
Зерна неправды за собою
Ходиможъ доленько моя!
Мій друже щирый нелукавый!
Ходимо дальше, дальше слава,
А слава заповидь моя.

Т. Шевченко

I

Доля

Ти не лукавила зо мною,
Ти другом, братом і сестрою
Сіромі стала. Ти взяла
Мене, маленького, за руку
І в школу хлопця одвела
До п'яного дяка в науку.
«Учися, серденько, колись
З нас будуть люди», — ти сказала.
А я й послухав, і учивсь,
І вивчився. А ти збрехала.
Які з нас люди? Та дарма!
Ми не лукавили з тобою,
Ми просто йшли; у нас нема
Зерна неправди за собою.
Ходімо ж, доленько моя!
Мій друже щирий, нелукавий!
Ходімо дальше, дальше слава,
А слава — заповідь моя.

Т. Шевченко

Т. Шевченко

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко.

25 февраля 1861 года въ небольшой квартирѣ при С.-Петербургской Академіи Наукъ было тихо,—только съ антресоль слышались болѣзненные вздохи и по временамъ сдержанные стоны больного.

Въ квартиру то и дѣло входили люди, подавали письма и телеграммы...

Больной этотъ былъ украинскій поэтъ Тарасъ Григорьевичъ Шевченко; входившіе люди—его друзья, почитатели, пришедшіе поздравить своего дорогого поэта со днемъ рожденія и именинъ.

Именинникъ сидѣлъ на кровати, опустивъ голову, и то и дѣло схватывалъ себя за больную грудь. Доктора, насколько было возможно, старались облегчить страданія больного, но всѣмъ окружающимъ было ясно, что часы его сочтены.

Почти всю ночь Т. Г—чъ провелъ, сидя на кровати, упершись въ нее руками, и не въ силахъ былъ прилечь отъ боли. Въ 5 час. утра онъ попросилъ себѣ стаканъ чаю съ молокомъ, выпилъ его, потомъ сошелъ внизъ въ свою мастерскую, упалъ тамъ,—и народнаго поэта Украйны не стало!..

Вѣсть о кончинѣ поэта быстро дошла до Украйны: въ городахъ служили панихиды, на собраніяхъ говорили рѣчи о покойномъ; только въ селахъ да глухихъ деревенькахъ не скоро еще услыхали эту горестную вѣсть. Попрежнему тамъ жили люди, работали и не

знали о смерти того, кто всю свою жизнь болѣлъ за ихъ душою, страдалъ сердцемъ.

Не скоро услыхали о смерти Шевченка и въ дер. Моринцахъ, Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губерніи, гдѣ 25 февраля 1814 года у крѣпостного крестьянина Григорія Шевченка и родился этотъ самый знаменитый поэтъ—Тарасъ; онъ былъ третьимъ ребенкомъ у Григорія; первымъ былъ сынъ—Никита, а вторымъ—дочь Катерина. Вскорѣ послѣ рожденія Тараса, Григорій переселился на жительство въ с. Кирилловку, гдѣ и протекли первые младенческіе годы поэта.

Вотъ какъ самъ Шевченко описываетъ свое дѣтство.

«Передо мною наша бѣдная, старая, бѣлая хата съ потемнѣвшей соломенной крышей и чернымъ «дымаремъ», а около хаты—яблоня съ краснобокими яблоками, а вокругъ яблони цвѣтникъ, любимецъ моей незабвенной сестры, моей терпѣливой, моей нѣжной няньки. А у воротъ стоитъ старая развѣсистая верба съ засохшею верхушкою, а за вербою «клуня» (сарай), а за «клуней» по косогору пойдетъ уже садъ, а за садомъ «левада» (сѣнокосъ), а за «левадою» долина, а въ долинѣ тихій, едва журчащій ручеекъ, уставленный вербами и калиною, окутанный широколистными, темно-зелеными лопухами. А въ этомъ ручейкѣ купается кубическій бѣлокурый мальчуганъ; выкупавшись, вбѣгаетъ въ садъ, падаетъ подъ первою грушею и засыпаетъ... Проснувшись, онъ смотритъ на противоположную гору и думаетъ: «А что же тамъ за горою? Тамъ, должно быть, тѣ желѣзные столбы, на которыхъ держится небо?» И пошелъ этотъ мальчуганъ—Тарасъ—къ желѣзнымъ столбамъ; долго шелъ, до самой ночи, а столбовъ все не было видно. На другой день снова отправился Тарасъ, да и заблудился; къ его счастію, ему попались на дорогѣ чумаки (извозчики) и подвезли его до Кирилловки. «Когда я пришелъ домой,—разсказываетъ Шевченко,—то старшая сестра подбѣжала ко мнѣ, схватила меня за руки и повела черезъ дворъ и посадила «вечерять» (ужинать). Повечерявши, сестра

повела меня спать, уложила въ постель, перекрестила и поцѣловала»...

Эти воспоминанія относятся къ шести-семилѣтнему возрасту Тараса; тогда ему жилось хорошо. Хотя матери и не было времени заниматься съ нимъ, за то у него была сестра Ирина—«терпѣливая, нѣжная нянька» его.

Въ 1823 г. умерла мать Шевченка, и съ этого года въ жизни маленькаго Тараса произошла большая перемѣна: отецъ его женился на вдовѣ съ дѣтьми; пошли раздоры; мачеха не взлюбила Тараса; но отецъ не переставалъ заботиться о сиротахъ, оставшихся безъ родной матери: онъ отдалъ Тараса учиться грамотѣ къ мѣщанину Губскому. Грамота далась мальчику сразу, но успѣхамъ въ обученіи мѣшали нескончаемыя шалости и проказы. Къ тому же ученіе это прервалось, благодаря горестному обстоятельству: умеръ Григорій Шевченко, когда сыну его Тарасу минуло только 11 лѣтъ. Передъ смертью Григорію Шевченку хотѣлось чѣмъ-нибудь обезпечить своихъ дѣтей, и когда при раздѣлѣ крестьянскаго имущества дошла очередь до Тараса, то отецъ сказалъ: «Сыну Тарасу изъ моего хозяйства ничего не нужно: онъ не будетъ какимъ-нибудь обыкновеннымъ человѣкомъ,—изъ него выйдетъ или что-нибудь очень хорошее, или же никуда негодное!..».

Послѣ смерти мужа, мачеха, чтобы избавиться, отъ лишняго рта, постаралась сбыть Тараса изъ дома; она нашла ему занятіе—пасти свиней, телятъ и овецъ кирилловскихъ крестьянъ. Съ ломтемъ чернаго хлѣба за пазухой, съ кнутомъ въ рукахъ мальчикъ цѣлые дни проводилъ на пастбищѣ, гдѣ только одни «могилы»-курганы «стоятъ и сумуютъ» (грустятъ).

Тарасъ любилъ эти безмолвныя «могилы»; ляжетъ, бывало, въ траву, подопретъ голову ручонками и смотритъ долго-долго въ синюю даль. Эти родныя картины привольныхъ степей такъ рѣзко запечатлѣлись въ дѣтскомъ мозгу, что черезъ много лѣтъ припомнились поэту и вылились въ чудныхъ, вдохновенныхъ стихахъ.

Но вотъ наступила зима,—Тарасъ опять остался безъ

дѣла; мачеха, чтобы выжить изъ дома пасынка, отдала его въ ученье къ дьячку Бугорскому, гдѣ Тарасъ изучилъ Часословъ и Псалтирь, а потомъ перешелъ къ священнику Нестеровскому, у котораго выучился письму. Въ прекрасномъ стихотвореніи «Доля» Т. Г—чъ упоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ.

„Ты не лукавила со мною:
Ты другомъ, братомъ и сестрою
Была бѣднягѣ. Ты взяла,
Еще дитей, меня за руку
И въ школу хлопца отвела
Къ дьячку разгульному въ науку.
„Учись! Со временемъ, дитя,
„Людьми мы будемъ“,—ты сказала.
Я сталъ учиться,—вѣрилъ я,—
И научился... Ты жъ солгала:
Что мы за люди?—Нужды нѣтъ!
Мы не лукавили съ тобою,
Мы прямо шли, и за собою
У насъ зерна неправды нѣтъ.
О доля, да, ты не лукава!
Тебѣ, какъ другу, вѣрю я!
Идемъ же дальше,—дальше слава,
А слава—заповѣдь моя!..

(Пер. Н. Гербеля.)

Отъ дьячка Шевченко сбѣжалъ и долгое время скитался безъ крова, ночуя въ садахъ, куда сестры носили ему хлѣбъ. Потомъ онъ бѣжалъ въ м. Лисянку къ дьякону-живописцу. Страсть къ рисованію у Шевченка тогда уже пробудилась. Но у дьякона Тарасъ прожилъ только четыре дня и переселился въ Стебловъ (Каневскаго у.), а потомъ въ м. Тарасовку.

Наконецъ, Шевченко снова попадаетъ на родину. Старшій братъ Никита хотѣлъ пріучить его къ хозяйству, но подвижная натура поэта не сродни была упорному и постоянному труду. Въ это время помѣщикъ, которому принадлежалъ Шевченко, вздумалъ изъ своихъ крѣпостныхъ набрать нѣсколько юношей для домашнихъ услугъ и поручилъ это дѣло своему управляющему. Въ эту дворню и попалъ Шевченко; его отпра-

вили къ барину въ г. Вильно, гдѣ Шевченку дали должность поваренка, а потомъ сдѣлали «комнатнымъ казачкомъ»; а когда баринъ замѣтилъ у Шевченка наклонности къ художеству, то отдалъ его въ науку къ портретисту Ламми въ Варшавѣ. Съ переѣздомъ барина въ Петербургъ, Шевченко попалъ къ художнику Ширяеву и въ это время познакомился въ малорусскимъ писателемъ Е. Гребенкой, а черезъ него—съ художникомъ Венеціановымъ и нашимъ поэтомъ В. А. Жуковскимъ, который принялъ въ Шевченко большое участіе: онъ познакомилъ Шевченку съ извѣстнымъ художникомъ К. П. Брюловымъ и упросилъ Брюлова написать съ себя портретъ, который былъ разыгранъ въ лотерею и на вырученныя деньги Шевченко былъ выкупленъ изъ крѣпостной зависимости. Сдѣлавшись свободнымъ, Шевченко, благодаря участію Брюлова и Жуковскаго, сталъ посѣщать классы Академіи Художествъ.

Приблизительно съ этого времени Шевченко началъ писать стихи на малорусскомъ языкѣ.

«Украинская строгая Муза,—говоритъ Шевченко,—долго чуждалась моего вкуса, извращеннаго жизнью въ помѣщичьихъ передняхъ, на постоялыхъ дворахъ. Но когда предчувствіе свободы возвратило моимъ чувствамъ чистоту первыхъ лѣтъ дѣтства, проведенныхъ подъ убогою батьковскою стрѣхою, она (Муза) обняла и приласкала меня на чужой сторонѣ»...

Вотъ какъ въ своихъ стихахъ Шевченко опредѣляетъ свою Музу:

И ты прекрасная, святая,
Подруга солнца молодая,
Меня въ объятія взяла
И, съ колюбелью разлучая,
Далеко въ поле отнесла.
Тамъ на могилу положила,
Туманомъ сизымъ обвила,—
И по раздолью ворожила,
И пѣть, и плакать зачала...
То были чары чаровницы!
Вездѣ и всюду съ этихъ поръ,

Какъ свѣтлый день, какъ лучъ денницы,
Горитъ на мнѣ твой дружній взоръ!

. . . . . .

Золотокрылой, дорогой
Ты пташкой надо мной парила
И душу мнѣ живой водой
Ты благотворно окропила!
Пока живу я,—надо мною
Своей небесною красою
Свѣти же, зоренька моя!
Моя заступница святая,
Моя отрада неземная,
Не покидай меня! Въ ночи
И яснымъ днемъ и вечерами
Ты людямъ истину учи
Вѣщать нелживыми устами.
За край любимый, край родной
Мнѣ помоги сложить молитву,
И въ самый часъ послѣдній мой,
Какъ я закончу жизни битву,
Не покидай меня,—пока
Послѣдній свѣтъ въ очахъ не сгинетъ;
Поплачь о мнѣ хотя слегка,—
И горсть земли твоя рука
Пускай тогда на гробъ мой кинетъ!..

(Перев. Н. Курочкина.)

Въ 1843 г. Шевченко отправился на родину, посѣтилъ родную деревеньку, повидалъ своихъ сестеръ, братьевъ. Прожилъ онъ на родинѣ не долго и опять уѣхалъ въ Петербургъ.

Въ 1846 г. Шевченко снова пріѣхалъ на Украйну; поселился онъ въ Кіевѣ; здѣсь познакомился съ извѣстнымъ историкомъ Н. И. Костомаровымъ. Здѣсь же, въ Кіевѣ, онъ былъ арестованъ, отвезенъ въ Петербургъ и отданъ въ солдаты; служить его послали въ Закаспійскій край. Его обвинили въ принадлежности къ «Кирилло-Меѳодіевскому» братству, которое будто бы преслѣдовало цѣли отложенія Украйны отъ Россіи. Шевченко страшно скучалъ, что видно изъ его стихотвореній, написанныхъ въ этотъ періодъ.

Тяжело жилось Шевченку вдали отъ родины, по

временамъ онъ даже терялъ надежду на лучшее будущее.

Слишкомъ десять лѣтъ пробылъ Шевченко въ солдатахъ и, наконецъ, снова поселился въ Петербургѣ при Академіи Наукъ, гдѣ попрежнему сталъ заниматься живописью, но здоровье его было уже плохо. Единственную надежду на поправку онъ видѣлъ въ переселеніи на родину: ему очень хотѣлось построить себѣ хатку на берегу Днѣпра и зажить тихой, спокойной жизнью,—пріобрѣсти клочокъ земли на высокомъ берегу Днѣпра, близъ г. Канева, но пожить тамъ ему не пришлось. 26 февраля 1861 г. его не стало. Шевченко завѣщалъ похоронить себя на Украйнѣ.

Друзья исполнили завѣтъ поэта. И теперь, если вамъ случится ѣхать по Днѣпру, то на правомъ берегу его, высоко на горѣ, верстахъ въ двухъ отъ г. Канева, вы увидите одинокій бѣлый крестъ,—это и есть могила Шевченка: она выросла на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ поэтъ мечталъ при жизни построить себѣ хату.

* * *

«Широкоплечій, приземистый, коренастый, Шевченко являлъ собою весь образъ казака. Голова остроконечная, почти лысая; высокій, морщинистый лобъ, широкій, такъ называемый «утиный», носъ, густые усы, закрывавшіе губы, небольшіе сѣрые глаза, взглядъ которыхъ, большею частью, угрюмый и недовѣрчивый, изрѣдка принималъ выраженіе ласковое, почти нѣжное, сопровождаемое хорошей, доброй улыбкой; голосъ нѣсколько хриплый, движенія спокойныя, походка степенная, фигура мѣшковатая и мало изящная. Съ высокой бараньей шапкой на головѣ, въ длинной темно-сѣрой чуйкѣ съ воротникомъ изъ мерлушекъ. Шевченко глядѣлъ чистымъ малороссомъ... Вотъ какими чертами запечатлѣлась у меня въ памяти эта замѣчательная личность»... говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ И. С. Тургеневъ.

Да, дѣйствительно, это была замѣчательная личность! Сколько было простоты, душевности, искренности въ этой мѣшковатой фигурѣ! Сколько думъ было передумано этой головой подъ высокой бараньей шапкой! Какое доброе, честное сердце билось въ груди этого человѣка.

Несмотря на свою облысѣвшую голову, на сѣдые усы, онъ былъ дитя,—и дѣтей онъ любилъ беззавѣтно и нѣжно!.. Однажды, когда онъ пріѣхалъ въ Кіевъ, у него не было ни копейки денегъ; онъ даже не зналъ, гдѣ ему переночевать. Пошелъ онъ на окраину города, видитъ, у одной хатки какая-то женщина развѣшиваетъ бѣлье

— А что, тетушка, не пустишь ли меня пожить въ твоей хатѣ?—спросилъ Шевченко.

— А развѣ тебѣ негдѣ голову приклонить?—спросила, въ свою очередь, женщина.

— Да то-то что негдѣ. Я бы вамъ заплатилъ послѣ за это,—отвѣтилъ Шевченко.

Женщина согласилась, и Шевченко поселился у ней въ хатѣ вмѣстѣ съ ея ребятишками.

Какъ-то, разбирая бумаги, Шевченко нашелъ нѣсколько рублей денегъ, когда-то припрятанныхъ и забытыхъ имъ; не долго думая, онъ сейчасъ же отправился въ городъ, накупилъ орѣховъ, пряниковъ, конфетъ, собралъ со всего околодка ребятишекъ и устроилъ великое пиршество. Самъ Шевченко сидѣлъ около хаты и напѣвалъ на губахъ малороссійскія пѣсенки, а ребята вокругъ него кричали и танцовали...

Когда Шевченко жилъ у себя въ деревнѣ мальчикомъ, ему удалось отъ какого-то проѣзжаго барина получить 20 коп. за вычищенные сапоги; какъ ни великъ былъ соблазнъ истратить эти деньги на сласти, но Шевченко отдалъ ихъ своему старшему нуждающемуся брату Никитѣ. На похоронахъ Шевченка этотъ Никита вспомнилъ объ этомъ случаѣ и сказалъ: «Что за добрая душа была! Я его билъ когда-то маленькимъ и здорово билъ! а онъ, покойный, отдалъ мнѣ послѣднее!»

Готовность Шевченка помогать въ бѣдѣ всякому ближнему возвышалась до христіанской добродѣтели. Однажды онъ нашелъ во рву плачущее и забытое нянькою дитя и возвратилъ его матери. Въ другой разъ, находясь проѣздомъ въ г. Нѣжинѣ, онъ случайно попалъ на пожаръ: горѣла еврейская хата; Шевченко изо всѣхъ силъ старался тушить пожаръ и выносилъ изъ хаты разный хламъ, упрекалъ своихъ единовѣрцевъ въ равнодушіи къ бѣдѣ человѣка, говоря, что какой бы религіи онъ ни былъ, онъ все-таки нашъ ближній...

Всякое горе было понятно чуткому сердцу Шевченка и всякая маленькая радость, испытываемая человѣкомъ несчастнымъ, была близка его душѣ.

Съ какимъ умиленіемъ, съ какимъ глубокимъ чувствомъ относился Шевченко къ своей родинѣ, какими задушевными стихами онъ описывалъ ея житье-бытье, ея природу!

Вотъ описаніе вечера:

Вишневый садикъ возлѣ хаты;
Жуки надъ вишнями гудятъ;
Плугъ съ нивы пахари тащатъ,
И, распѣваючи, дѣвчаты
Домой на вечерю спѣшатъ.

* * *

Семья ихъ ждетъ—и все готово.
Звѣзда вечерняя встаетъ,—
И дочка ужинъ подаетъ,
А мать сказала бы ей слово,
Да соловейко не даетъ.

* * *

Мать уложила возлѣ хаты
Малютокъ, дѣточекъ своихъ;
Сама заснула возлѣ нихъ...
Затихло все, одинѣ дѣвчаты
Да соловейко не затихъ!..

(Перев. Л. Мея.)

Это стихотвореніе «Вечеръ» было прочитано Шевченкомъ И. С. Тургеневу, и вотъ что говоритъ объ этомъ

въ своихъ воспоминаніяхъ Ив. Серг—чъ: «...Тарасъ Григорьевичъ прочелъ при мнѣ свое прекрасное стих. «Вечеръ» и прочелъ его просто, искренно: самъ онъ былъ тронутъ и тронулъ всѣхъ слушателей: вся южнорусская задумчивость, мягкость и крѣпость, поэтическая струя, бившая въ немъ, тутъ ясно выступила на поверхность»...

Да и вся поэзія Шевченки, собранная въ одну книгу, подъ названіемъ «Кобзарь», представляетъ что-то могучее, широкое, словно Днѣпръ или степи безкрайныя. Отъ чтенія его стиховъ вмѣстѣ съ грустью въ душу вливается бодрость. Такъ поютъ свои былины слѣпцы-кобзари. Такъ и представляется жаркій южный день; при дорогѣ усѣлся слѣпой кобзарь съ мальчикомъ-поводыремъ. Одна рука слѣпца вертитъ незатѣйливый инструментъ, а другая нажимаетъ струны, и онъ поетъ грустно и вдохновенно про могилы-курганы молчаливые, про героевъ, зарытыхъ въ нихъ. Духъ занимается отъ этого пѣнія, и чувствуешь въ душѣ силу великую!.

Иванъ Бѣлоусовъ.

На вѣчную память Котляревскому *).

Солнце свѣтитъ, вѣтеръ вѣетъ
Съ поля на долину,
Надъ водою наклоняетъ
Красную калину.
И тихонько на калинѣ
Гнѣздышко качаетъ;
Гдѣ жъ дѣвался соловейко,
Кто про это знаетъ?
Вспомнишь горе,—ну, такъ что же,—
Было—миновало;
Вспомнишь счастье,—сердцу грустно,
Что гостило мало!

Я гляжу и вспоминаю;
Чуть смеркаться станетъ,
Соловейко защебечетъ,
Всѣхъ къ себѣ приманитъ:
И богатый, кому доля
Ласку шлетъ, какъ сыну,
И цѣлуетъ, и милуетъ,—
Не минетъ калину.
И сиротка, что до свѣта
Рано, рано встанетъ,

*) Написано по поводу смерти Ивана Петровича Котляревскаго, извѣстнаго украинскаго писателя, умершаго въ 1838 г.

Словно рѣчи батьки съ маткой,
Слушать пѣсни станетъ...
Сердцу любо, сердце бьется,
Словно праздникъ всюду;
И живется такъ привольно
Въ Божьемъ мірѣ люду...
Иль дѣвица, что̀ милого
Ждетъ да поджидаетъ,
Сохнетъ, вянетъ сиротою,
Что дѣлать — не знаетъ;
Выйдетъ въ поле—и слезами
Горькими зальется,
А услышитъ соловейку,
Снова усмѣхнется.
Сохнутъ слезы, и улыбка
На устахъ играетъ...
Соловейко жъ безъ умолку
Пѣсни распѣваетъ...
Какъ Бога онъ хвалитъ свободною пѣсней;
А выйдетъ злодѣй на дорогу съ ножомъ,—
И пѣснь затихаетъ и отзвукъ, теряясь
Въ лѣсу, замираетъ въ молчаньи нѣмомъ.
Что пѣть,—если черствую душу злодѣя
Не можетъ онъ пѣсней добру научить!
Пускай онъ лютуетъ, пока не погибнетъ:
Ему здѣсь не мѣсто, не долженъ онъ быть!

Въ долинѣ тихо. На калинѣ
Ужъ соловейко не поетъ,
Чуть вѣетъ вѣтеръ по долинѣ
И эхо по лѣсу идетъ.
Гуляетъ эхо—Божье слово;
Проснулись люди для работъ.
Съ сохой-кормилицею въ поле
Ужъ пахарь выѣхалъ пахать;
Пошли на пастбище коровы,
Идутъ дѣвицы воду брать.
Восходитъ солнце,—рай да только!—

Склонились вербы надъ водой...
И человѣкъ съ жестокимъ сердцемъ
Заплачетъ сладкою слезой.

Такъ было прежде, что же стало?

Солнце свѣтитъ, вѣтеръ вѣетъ
Съ поля на долину,
Надъ водою наклоняетъ
Красную калину.
И тихонько на калинѣ
Гнѣздышко качаетъ.
Гдѣ дѣвался соловейко,—
Кто про это знаетъ?

Недавно, недавно у насъ на Украйнѣ
Старикъ-Котляревскій вотъ такъ щебеталъ;
Замолкъ онъ на вѣки, сиротами кинулъ
И горы, и море, гдѣ прежде виталъ.

Гдѣ ватагу голытьбы
Велъ онъ за собою;
Все покинулъ... Все тоскуетъ,
Какъ руины Трои.
Все тоскуетъ! Только слава
Солнцемъ засіяла
И безсмертіемъ поэта
На вѣкъ увѣнчала...
Будешь, батька, ты въ почетѣ,
Люди не забудутъ,—
И пока сіяетъ солнце,
Вѣчно помнить будутъ...

Душа правдивая! прими
Отъ сердца сказанное слово;
Не кинь меня ты сиротой,
Какъ кинулъ темныя дубровы.
Мнѣ пѣсню спой про край родной,—
Мнѣ легче станетъ на чужбинѣ,

И я мечтой перенесусь
Къ родимой, милой Украинѣ...
Лети, орелъ мой, поскорѣе!
Дни одиночества бѣгутъ;
Хотѣлъ бы море переплыть я,—
Лады мнѣ люди не даютъ.
И вспоминаю я Энея,
Украйну милую мою
И, какъ ребенокъ, горько плачу
И безутѣшно слезы лью.
А волны къ берегу другому,
Шумя и пѣняся, бѣгутъ,
Тамъ доля плачетъ... Сиротину
Повсюду люди осмѣютъ.
Такъ что жъ? Пускай! Тамъ мѣсяцъ свѣтитъ,
Тамъ солнце ясное горитъ
И вѣтеръ тамъ въ степи широкой
Съ могилой рѣчи говоритъ...

Тамъ былъ бы я не одинокъ.
Прими же искреннее слово,
Не кинь меня ты сиротой,
Какъ кинулъ темныя дубровы.
Явись ко мнѣ хоть на мгновенье
И пѣсню спой про край родной...

1838.
Петербургъ.

Перебендя.

Е. Н. Гребенкѣ *).

Старъ и слѣпъ нашъ Перебендя,—
Кто его не знаетъ?
Ходитъ-бродитъ онъ по свѣту,
На кобзѣ играетъ.

*) Ев. Гребенка—украинскій писатель, пріятель Шевченка.

Старика встрѣчаютъ люди
Съ радостью, привѣтомъ:
Онъ печаль разгонитъ,—самъ же
Тяготится свѣтомъ.
Нѣтъ пріюта горемыкѣ,
Нѣтъ ему покоя;
Спитъ подъ тыномъ,—знать надъ старымъ
Шутитъ горе злое.
А ему хоть что!—Затянетъ—
«Не шуми дуброва!..»
И о томъ, что одинокъ онъ,
Никому ни слова!..
Вотъ таковъ-то Перебендя,—
Онъ чудакъ не малый,—
Пѣсню грустную затянетъ,
Кончитъ разудалой.
Попадетъ къ дѣвчатамъ,—грянетъ
«Грицу» да «Веснянку»,
Какъ въ шинкѣ приступятъ парни,—
«Сербина», «Шинкарку»;
А съ молодками на свадьбѣ,
Гдѣ свекровь лютая,—
Про «Тополю», «Долю злую»,
Иль поетъ—«У гаю»...
На базарѣ—про «Лазаря»,
А чтобъ люди знали,—
Онъ разсказываетъ въ пѣснѣ,
Какъ Сѣчь разоряли...
Вотъ таковъ-то Перебендя,—
Онъ чудакъ не малый,—
Пѣсню грустную затянетъ,
Кончитъ разудалой!..
Вѣтеръ по полю гуляетъ,
Вѣетъ, повѣваетъ,
На курганѣ Перебендя
На кобзѣ играетъ.
А кругомъ его, какъ море,
Ширина степная,

За могилою—могила,—
Безъ конца и края.
Чубъ и усъ сѣдой, играя,
Вѣтеръ развѣваетъ,—
То, прислушиваясь, стихнетъ,
Какъ кобзарь играетъ.

Какъ сердце смѣется, какъ очи слезятся—
Послушаетъ вѣтеръ и вдаль полетитъ;
И вновь, распѣвая, старикъ одинокій
Въ широкой степи на могилѣ сидитъ.
Никто тамъ не видитъ, не слышитъ сѣдова,
Лишь вѣтеръ слова его полемъ несетъ,
Чтобъ люди не знали... То Божіе слово,
И съ Богомъ то сердце бесѣду ведетъ,
И Господа славу оно восхваляетъ,—
А дума на тучѣ край свѣта гуляетъ.
Паритъ сизокрылымъ могучимъ орломъ,
До самаго неба касаясь крыломъ,
И ясному солнцу вопросъ задаетъ:
Гдѣ солнце ночуетъ, какъ солнце встаетъ?
И слушаетъ чутко, какъ море шумитъ,
И спроситъ могилу,—что вѣчно молчитъ?
И снова на небо,—тамъ горя людского
Не видитъ... На свѣтѣ мѣстечка такого
Тому не найдется, кто знаетъ все, чуетъ,
Какъ море шумитъ, и гдѣ солнце ночуетъ...
Пріюта никто старику не даетъ,—
Одинъ средь людей онъ какъ солнце на небѣ,
Но людямъ извѣстенъ: онъ съ ними живетъ...
А если бы знали, какъ онъ распѣваетъ
И съ моремъ въ степи онъ бесѣду ведетъ,
То Божіе слово они бъ осмѣяли,
Назвали бы дуремъ и прочь бы прогнали,—
Пускай, молъ, онъ по морю старый плыветъ!..

Да и ладно, другъ кобзарь мой,
Что къ могилѣ ходишь,

И что съ ней въ степи безлюдной
Рѣчь свою заводишь.
И ходи, покуда сердце
Не уснуло, бьется;
Такъ, чтобъ люди не слыхали
Пой, пока поется.
Но чтобъ люди не чуждались,—
Примирись съ толпою:
«Скачи, враже, якъ панъ каже,—
Онъ богатъ казною»...

Вотъ таковъ-то Перебендя,—
Онъ чудакъ не малый,—
Пѣсню грустную затянетъ,
Кончитъ разудалой!..

1839.
Петербургъ.

Думы.

Ой, вы, думы, мои думы,—
Горе, думы, съ вами!
Что вы встали на бумагѣ
Хмурыми рядами?
Что васъ вѣтеръ не развѣялъ
Словно пыль степную?
Что васъ горе не заспало
Словно дочь родную?

Горе злое васъ на свѣтѣ на́ смѣхъ породило;
Поливало васъ слезами,—что жъ не затопило?
Что не выбросило въ морѣ, не размыло въ полѣ?
Не узнали бы за что я проклинаю долю!..
Позабыли бъ меня люди,—вспоминать не стали.
«Дѣлать нечего!»—съ насмѣшкой мнѣ бы не сказали!..

Думы мои, думы мои,—
Сердцу дорогія,—
Для чего жъ любилъ, лелѣялъ
Васъ, мои родныя?
Кто жъ надъ вами плакать будетъ
Здѣсь, на бѣломъ свѣтѣ,
Такъ, какъ я? Охъ, думы, думы,—
Думы—мои дѣти!
Можетъ быть, найдутся очи
Съ черными бровями,
Что, услышавъ васъ, заплачутъ,
Горькими слезами?
Мнѣ не надо слезъ обильныхъ,—
Мнѣ слезинку надо,—
Буду панъ я надъ панами—
Вотъ моя отрада!
Думы мои, думы мои,
Тяжело мнѣ съ вами!
Вы туда рвались, гдѣ очи
Съ черными бровями,
А за вами сердце рвалось,
Думы выдивало,
Выливало, какъ умѣло
Все, что прежде знало:
Темный вишневый садочекъ,
Словно море—ночи,
Ласки жаркія дѣвичьи,
Черны брови, очи...
Степи, степи да могилы
Тамъ—на Украинѣ!..
Но о нихъ молчитъ, ни слова
Сердце на чужбинѣ.
И не хочетъ, чтобъ собралась
Въ снѣжномъ полѣ «рада»—
Съ булавами, съ бунчуками
Славная громада.
Пусть же души запорожцевъ
Мирно тамъ витаютъ,—

Гдѣ просторъ степной начала
И конца не знаетъ,
Какъ та воля, что минула...
Днѣпръ широкій, милый,
Степь и грозные пороги,
Горы и могилы,—
Тамъ казацкая родилась
Воля, воспиталась;
Тамъ шляхтою, татарвою
Поле засѣвалось.
Долго билась и, уставши,
Тихо опочила,
А надъ волей въ это время
Выросла могила.
Сторожа могилу, черный
Тамъ орелъ летаетъ
И кобзарь про волю людямъ
Пѣсни распѣваетъ;
О быломъ онъ выливаетъ
Въ пѣсняхъ думы-грезы;
Онъ отъ Бога даръ имѣетъ,—
Я же только слезы
За родную Украину
Плача проливаю,
Какъ словами людямъ горе
Высказать—не знаю.
Горе, горе!—Что жъ такое?
Кто его не знаетъ?
Много слезъ оно на свѣтѣ
Горькихъ проливаетъ.
Тяжело живется въ мірѣ
Съ чуткою душою,—
Адъ ему на этомъ свѣтѣ,
А на томъ. . . . . .
Тоскою
Не прикличу себѣ доли
И не дозовуся,
А надъ тѣми, кто смѣется,—

Самъ я посмѣюся.
Схороню тоску я въ сердцѣ,
Чтобы не видали
Горькихъ слезъ, и жалобъ, смѣха
Люди не слыхали.
Пусть же дума словно воронъ,
Каркая, летаетъ,
А сердечко соловейкомъ
Тихо распѣваетъ.
Пусть же льются горьки слезы
Дни и темны ночи,
Пока мнѣ чужой землею
Не засыплютъ очи!
Такъ вотъ, такъ-то! Что же дѣлать?
Плачь не плачь—все то же.
Кто завидуетъ несчастнымъ—
Тѣхъ суди ты, Боже!..

Думы мои, думы мои,—
Думы мои дѣти.
Гдѣ же я найду, родныя,
Вамъ пріютъ на свѣтѣ?
На Украину идите—
Нашу Украину,
На задворки, къ бѣднымъ людямъ,
Я же здѣсь загину!
Тамъ любовь найдете, думы;
Тамъ васъ приласкаютъ;
Тамъ и правда!.. А быть можетъ,
Славой увѣнчаютъ!..
Такъ прими же моихъ дѣтокъ,
Родина святая,—
Приласкай ихъ неразумныхъ
Словно мать родная!..

1839.
Петербургъ.

Н. Маркевичу *).

Бандуристъ! Орелъ нашъ сизый!
Хорошо тебѣ, родной:
Есть и сила, есть и крылья,—
Взялъ да взвился надъ землей.
Вотъ летишь ты на Украйну,—
Будутъ тамъ тебя встрѣчать.
Полетѣлъ бы за тобою,
Да кому меня тамъ ждать?
Здѣсь живу я одинокимъ,
И въ родимой сторонѣ
Сиротливо, мой голубчикъ,
Одиноко будетъ мнѣ!..
Что же сердце бьется-рвется?
Сирота я, сирота!..
А Украина родная,
Вольной степи широта?
Тамъ повѣетъ буйный вѣтеръ,
Словно братъ заговоритъ;
Тамъ въ широкомъ полѣ—воля,
Море синее шумитъ
И волнами хвалитъ Бога.
Мѣста нѣтъ печали тамъ
И бесѣдуютъ могилы
Съ буйнымъ вѣтромъ по ночамъ,—
Разговоръ ведутъ тоскуя,
И о томъ у нихъ печаль,—
То, что было, не вернется,
И прошедшаго имъ жаль...
Полетѣлъ бы я, поплакалъ
И послушалъ бы я ихъ,—
Только доля приковала
Посреди людей чужихъ!..

1840. 9. V.
Петербургъ.

——— o ———

*) Н. Маркевичъ написалъ „Исторію Малороссіи“ въ 1842 г.

* * *

Тяжко, тяжко жить на свѣтѣ
Сиротѣ безъ роду.
Гдѣ дѣваться, пріютиться?
Хоть съ горы да въ воду!
Утопился бъ, чтобы лишнимъ
Въ свѣтѣ не болтаться;
Утопился бъ! Тяжело мнѣ,
Некуда дѣваться!
У иного доля въ полѣ
Жатву собираетъ,
А моя, бѣдняга, гдѣ-то
За моремъ гуляетъ!
Хорошо тому, кто счастливъ,—
Люди его знаютъ,
А меня при встрѣчѣ даже
И не замѣчаютъ.
Богача, хоть и урода,
Красная дѣвица
Любитъ, чтитъ и уважаетъ,
Даже имъ гордится;
Надо мною же смѣется,
Бѣднымъ сиротою.
Развѣ я въ красѣ и силѣ
Обдѣленъ судьбою?
Надъ тобою я, дѣвица,
Развѣ надсмѣялся?
И къ тебѣ не крѣпко развѣ
Сердцемъ привязался?
Такъ люби, кого ты знаешь
Юною душою,
Но не смѣйся, не глумися
Ты надъ сиротою.
Я уйду теперь далеко
Въ сторону чужую,
И погибну. А, быть можетъ,
Тамъ найду другую.

Буду счастливъ... И тоскуя,
Онъ ушелъ далеко;
Не нашелъ себѣ тамъ доли,—
Бѣдный, одинокій!
Все глядѣлъ на край родимый,
Умирая въ полѣ...
Сиротинѣ на чужбинѣ
Умирать легко ли?..

1840.
Петербургъ.

— o —

* * *

Буйный вѣтеръ клонитъ лозу,
Тополь нагибаетъ;
Мчится вихремъ—дубъ могучій
Съ корнемъ вырываетъ.

Такъ и доля: кого сломитъ,
Или нагибаетъ;
Меня клонитъ, а гдѣ свалитъ—
Знать того не знаетъ!

Въ какомъ краю меня схоронятъ?
Гдѣ тлѣть судьбой мнѣ суждено?
Умру—никто меня не вспомнитъ,
Когда мнѣ счастья не дано!
Никто хоть на смѣхъ мнѣ не скажетъ:
«Покой ему въ землѣ сырой,—
Онъ только тѣмъ былъ, бѣдный, счастливъ,
Что рано кончилъ путь земной!»

1840.
Петербургъ.

— o —

Дѣвичьи ночи.

Расплелась коса,—упала
Ниже пояса она;
Грудь раскрылась, поднялася,
Словно на морѣ волна.
Засіяли кари очи
Звѣздами средь ночи;
Протянулись бѣлы руки,—
Словно обвилися
Вокругъ стана;—нѣтъ, въ подушку
Замерли — впилися...
«Для чего мнѣ кари очи
И коса густая,
Станъ мой стройный, ростъ высокій,—
Если сирота я?
По любви сойтись мнѣ не съ кѣмъ,
Сердцемъ подѣлиться!
Сердце бѣдное, больное,
Тяжко тебѣ биться
Одинокому. Съ кѣмъ буду
Жить я, свѣтъ лукавый?
Отвѣчай,—что буду дѣлать
Я съ своею славой?
Я любить и жить желаю
Сердцемъ—не красою,
А живу другимъ на зависть:
Гордою и злою
Злые люди называютъ,
А того не знаютъ,
Что я въ сердцѣ схоронила...
Пускай упрекаютъ!
Грѣхъ имъ будетъ! Боже милый,
Плачу и тоскую,
И молю, чтобъ Ты разсѣялъ
Солнцемъ тьму ночную,
Днемъ вѣдь я не одинока;—

По полю гуляю
И веду бесѣду съ полемъ,—
Горе забываю,
А въ ночи»... И онѣмѣла,
Слезы полилися,
Бѣлы руки протянулись,
Въ подушку впилися!..

18 мая, 1844.
Петербургъ.

Пустая хата.

(М. С. Щепкину).

Научи меня, кудесникъ,
Другъ мой сѣдоусый,
Какъ быть въ мірѣ равнодушнымъ,
Такъ, какъ ты? Боюся,
Погорѣлую разрушить
Хату нѣту воли,
Схоронить живое сердце
Жалко мнѣ до боли!..
Можетъ быть, придетъ надежда,—
Приплыветъ съ водою—
Животворною, цѣлебной—
Съ тихою слезою.
Можетъ быть, придетъ надежда
Зимовать со мною.
И нагрѣетъ мою хату
Лютою зимою.
Съ нею легче заживется
Мнѣ на бѣломъ свѣтѣ,—
И проснутся, и вернутся
Думы—мои дѣти,

Съ ними вмѣстѣ погорюю
И зальюсь слезою,—
Хоть сквозь сонъ увижу правду
Надъ родной землею.

1844. 13. XII.
Кіевъ.

Н. В. Гоголю *).

Словно рой, за думой дума вылетаетъ;
Одна душу давитъ, другая сжигаетъ;
Третья—въ сердцѣ скрылась,—слезы проливаетъ,
Тихо такъ, что Богъ самъ не слышитъ, не знаетъ.

Гдѣ жъ на свѣтѣ человѣка
Мнѣ найти такого,
Кто съ привѣтомъ, лаской встрѣтитъ
Великое слово?
Всѣ оглохли, всѣ въ оковахъ,
Будто такъ и надо.
Ты смѣешься, другъ великій,—
Слезы мнѣ отрада.
Не верну назадъ слезами
Я добра былого:—
На Украйнѣ не придется
Слышать пушекъ рёва.
Не убьетъ и не зарѣжетъ
Снова батько сына,
Чтобъ жила въ чести и славѣ
Вольно Украина.
Не зарѣжетъ, а выроститъ

*) Переводъ этого стихотворенія въ сокращенномъ видѣ былъ помѣщенъ въ „Кобзарѣ“, издан. „Знаніе“. Въ автографѣ, найденномъ въ Департаментѣ Полиціи, имѣется приписка рукою Шевченка карандашомъ: „Н. Гоголю“.

Изъ него солдата,—
Это будетъ вдовья лепта
И рабская плата.
Предъ отечествомъ, престоломъ
Будетъ онъ склоняться,—
И пускай, братъ,—а мы будемъ
Плакать и смѣяться...

30/xii, 1844.
Петербургъ.

„Еретикъ“ или „Иванъ Гусъ“ *).

(Посланіе славному П. І. Шафарику).

Злые люди у сосѣда
Хату подожгли,
У огня они нагрѣлись,
Да и спать легли,—
Но забыли теплый пепелъ
По полю развѣять.
Лежитъ пепелъ на распутьи,
А въ пеплѣ томъ тлѣетъ
Огня искра великого
И не угасаетъ,
Ждетъ подпалу, словно мститель
Часу ожидаетъ,
Злого часу. Тлѣла искра,
Тихо дотлѣвала
На распутьи, при дорогѣ,
Да и гаснуть стала.

---

*) Эта поэма напечатана впервые въ цѣломъ видѣ въ „Кобзарѣ“, изданномъ въ 1907 г. подъ ред. В. Доманицкаго, по автографу, найденному въ архивахъ Департамента Полиціи. До 1907 г. были извѣстны только „Посланіе“ и 2 первыхъ главы.

Вотъ такъ-то нѣмцы запалили
И хату нашу,—и семью—
Семью славянъ разъединили,
Украдкой, тихо подпустили
Усобицъ лютую змѣю.

Полилися рѣки крови,
Пожаръ погасили,—
Ну, а нѣмцы межъ собою
Все и подѣлили;—
И въ оковахъ вырастаютъ
Славянскія дѣти,
И въ неволѣ позабыли,
Кто они на свѣтѣ.
А на давнемъ пожарищѣ
Искра братства тлѣла,
Дотлѣвала,—и дождалась,—
Онъ пришелъ и смѣло
Раздулъ пламя, какъ учуялъ,
Онъ орлинымъ окомъ
Искру братства, что таилась
Въ пеплѣ томъ глубокомъ,
Засвѣтилъ животворящій
Свѣточъ правды, воли,
Всеславянскую семью онъ
Вывелъ изъ неволи,
Сосчиталъ всѣхъ до едина,
Древнимъ сталъ пророкомъ
И окинулъ трупы павшихъ
Онъ орлинымъ окомъ.
И ожили снова трупы
И очи раскрыли,
И братъ съ братомъ обнялися
И заговорили,
И любовь и правду славя
На вѣки и вѣки,
И слилися въ одно море
Славянскія рѣки.

Слава тебѣ, чехъ великій,
Въ будущемъ и нынѣ,
Затопить не допустилъ ты
Нѣмецкой пучинѣ
Нашей правды!.. Наше море
Вѣчно будетъ полно
И по морю понесутся
Съ парусами челны.
У кормила встанетъ кормчій,
Смѣлою рукою
Поведетъ по волѣ челны
Надъ морской волною.
Честь тебѣ, Шафарикъ, слава
Во вѣки и вѣки,
Что въ одно собралъ ты море
Славянскія рѣки.
Такъ прими же къ своей славѣ
И мое ты слово,
Мою думу немудрую
Про чеха святого,
Про того, что былъ замученъ—
Про славнаго Гуса,
Прими, отче, я же тихо
Богу помолюся,
Чтобы всѣ славяне стали
Братьями-друзьями
И сынами солнца правды,
И еретиками—
Вотъ такими жъ, какъ Констанцскій
Еретикъ великій...
Въ мірѣ будетъ миръ и правда
И слава во вѣки...

22/xi, 1845.
Переяславъ.

I.

Камень, его же небрегоша зиждущій, сей бысть во главу угла: отъ Господа бысть сіе и есть дивно въ очесѣхъ нашихъ.

Псаломъ CXVII, ст. 22.

Кругомъ неправда и неволя,
Народъ замученный молчитъ;
А на апостольскомъ престолѣ
Монахъ упитанный сидитъ.
Людскою кровью онъ торгуетъ,
Рай по частямъ онъ продаетъ...
Твоя, о, Боже, воля всуе;
Когда же судъ твой къ намъ придетъ?

Разбойники, людоѣды
Правду всю забрали,
И Твою святую волю,
Славу осмѣяли...
Въ кандалахъ страдаютъ люди,
Нѣтъ имъ силъ подняться,—
Расковать свои оковы,
Вмѣстѣ всѣмъ собраться;
За обиженныхъ, за правду
Грудью встать могучей...
Боже, выйдетъ ли къ намъ солнце
Изъ-за темной тучи?
И настанетъ ли великій
Часъ небесной кары?
И падетъ ли власть надъ міромъ
Гордой той тіары?
Мы бъ ее разбили...
Боже!
Не для мести, муки
Ты пошли благословенье

На слабыя руки,
На уста, а чтобъ промолвить
Праведное слово;—
Можетъ быть, Тебя услышатъ
Бога Всеблагого?..
Такъ думалъ въ кельѣ Гусъ правдивый,—
Людей задумалъ расковать—
Людей замученныхъ—и диво,
Святое диво показать
Очамъ незрячимъ...
«Поборюсь!
За правду Богъ! Да совершится!»
И въ Виѳлеемскую каплицу
Пошелъ молиться вѣрный Гусъ!..

II.

Папская булла.

«Во имя Господа Христа,
Распятаго за наши прегрѣшенья,
И всѣхъ апостоловъ святыхъ
Даемъ мы буллой отпущенье,
И разрѣшаемъ всѣ грѣхи
Рабынѣ Божьей, что ходила
По улицамъ, въ шинкахъ пила
И въ кельяхъ пьяная грѣшила.
Она сама добыла
И буллу купила
И очистилась»... О, Боже,
Великая сила!
Великая слава! Взгляни на людей;
Какъ много тяжелыхъ ты мукъ посылаешь;
За что жъ пропадаютъ? За что же караешь
Своихъ непокорныхъ, но добрыхъ дѣтей?
За что же закрылъ Ты ихъ добрыя очи
И разумъ окуталъ ночной темнотой?
Проснитеся, чехи! И очи откройте!
Проснитесь! День новый встаетъ надъ землей!..

Разсправьте руки, будьте люди,
А не насмѣшкой чернецамъ.
Разбойники, надѣвъ тіары,
Все потопили, все забрали,
Какъ взяли у Москвы татары,
А намъ незрячимъ передали
Свой догматъ,—казни да пожары,
Все зло на свѣтѣ,—войны, свары
И адскихъ мукъ безкрайный рядъ,
Да кучи дѣвичьихъ ребятъ!
Вотъ въ чемъ ихъ догматъ; вотъ ихъ слава!
Святымъ положено конклавомъ,—
Кто, буллу не купивъ, умретъ,
Тотъ прямо въ пекло, въ адъ пойдетъ;
Но чья за буллу вдвое плата,—
Тотъ, хоть зарѣжь родного брата,
Не папу лишь, не чернецовъ,—
И прямо въ рай безъ лишнихъ словъ...
Ужъ воръ сталъ вора грабить въ церкви,
Забывши братство и любовь.
Когда жъ насытитесь вы, гады,
И перестанете пить кровь?
Не мнѣ, о, Господи, простому
Судить великія дѣла.
И Самъ Ты, знаю я, невиннымъ
Не посылалъ, не дѣлалъ зла...
И плакалъ Гусъ, творя молитву,
И тяжко плакалъ. Людъ молчалъ
Глядѣлъ со страхомъ: что онъ дѣлалъ?
На что онъ руку поднималъ?
—«Смотрите, люди!—Вотъ вамъ булла,
Что я читалъ!»—И показалъ
Передъ народомъ. Всѣ вздрогнули:
Иванъ Гусъ буллу разорвалъ...
Изъ Виѳлеемской той каплицы
До римскихъ стѣнъ, вплоть до столицы
Гремѣло эхо и неслось,
И наклонилася тіара,

Когда въ конклавѣ отдалось...
Зашептался монахи,
Вмѣстѣ собрался;
Зашептались антипапы,—
Стѣны затряслися
Отъ шепоту. Кардиналы
Словно змѣи вьются
Вкругъ тіары, да тихонько,
Какъ коты, грызутся
Изъ-за мыши. Такъ вотъ такъ-то!
Видно сберегали
Только шкуру! А почуявъ,
Какъ загоготали
Гуси въ Прагѣ,—порѣшили
Страху не даваться
И судить въ Констанцѣ Гуса
Вмѣстѣ всѣмъ собраться,
Да кругомъ поставить стражу,
Чтобы не дремала,
Улетѣть къ славянамъ птицу
Эту не пускала.

III.

Словно вороны, монахи
Поле все покрыли,
И толпами черезъ степи
Въ Констанцъ повалили:
Бароны, герцоги, вся знать,
Псари, герольды, шинкари
И трубадуры-кобзари,
Змѣею потянулась рать,
За герцогинями холопы,—
Кто съ соколами на рукахъ.
Бѣжитъ, торопится—кто пѣшимъ,
А кто верхами на ослахъ,
Такъ гадовъ тянетъ къ солнцепеку...
О, чехъ великій! Сосчитать

Не сможешь вражескую силу!
Какъ на невѣрныхъ, встала рать
Иль на великаго Аттилу...

А въ Прагѣ глухо гомонятъ:
И Цезаря и Вячеслава
И весь соборъ тысячеглавый
Ругаютъ явно,—не хотятъ
Пускать въ Констанцъ Ивана Гуса.
«Живъ Богъ! Жива душа моя!
«Я смерти, братья, не боюся
«И покажу я тѣмъ змѣямъ
«И вырву ихъ несыто жало!..»
Такъ чеховъ славная семья
Ивана Гуса провожала.

День встаетъ; Констанцъ весь тонетъ
Въ колокольномъ звонѣ.
Собрался кардиналы,
Какъ быки въ загонѣ,
И прелаты набѣжали,
Какъ потоки лавы,
И три папы, и баронство,
И вѣнчанны главы.
Такъ когда-то іуден
Христа присуждали
Къ смерти крестной. Гомонили,
Спорили, кричали,
Будто въ таборѣ татарскомъ
Иль въ еврейской школѣ.
Вдругъ все разомъ замолчало...
Словно кедръ средь поля
Гусъ, гремя цѣпями, смѣло
Всталъ передъ соборомъ.
И окинулъ нечестивыхъ
Онъ орлинымъ взоромъ;
Затрясяся, поблѣднѣли,
Молча озирали
Мученика.

«Для чего же
«Вы на судъ позвали?
«Для того, чтобы послушать
«Какъ звенятъ оковы?»
Словно гады зашипѣли,
Звѣри заревѣли:
—«Замолчи! Ни слова!..
«Еретикъ ты! Еретикъ ты!
«Ты расколъ заводишь,
«Усобицу разсѣваешь!
«И святѣйшей папской воли
«Ты не принимаешь,—
«Знать не хочешь! Одно слово—
«Богомъ ты проклятый!
«Еретикъ ты! Еретикъ ты!»
Ревѣли прелаты.
«Ты усобникъ! Одно слово—
«Ты всѣми проклятый!!!..
Гусъ на папъ взглянулъ и молча
Вышелъ изъ палаты.
«Побороли! Побороли!»
Словно очумѣли—
«Казнь огнемъ ему злодѣю!..»
Разомъ заревѣли.

Напролетъ всю ночь монахи
Съ герцогами пили,
Спьяна Гуса проклинали...
Вотъ и зазвонили.
Разсвѣло ужъ—и монахи
Въ храмъ пошли молиться
За Ивана Гуса. Солнце
Стало золотиться,
Изъ-за горъ смотрѣть, что скоро
Будетъ здѣсь твориться.

Звонъ гудитъ, гудитъ и льется...
Связаннаго Гуса

Подвели къ костру въ оковахъ;
И не ужаснулся
Предъ огнемъ,—взошелъ съ молитвой
На костеръ горящій.
«Что жъ Твоимъ я людямъ сдѣлалъ,
«Богъ животворящій?
«За что меня осудили?
«За что распинаютъ?
«Люди добрые! Молитесь!
«Съ вами тоже будетъ!
«Вонъ ужъ волки въ овчихъ шкурахъ
«Когти распустили...
«Не спасетесь. Разольется
«Кровь, дымясь, какъ море,
«Кровь дѣтей, потомковъ вашихъ...
«О, горе! О, горе!
—«Вонъ они тамъ въ ясныхъ ризахъ»...
Очи заблестѣли...
«Поджигайте!»
—«Это крови...»
«Жги скорѣе!»
—«Вашей захотѣли!..»

Не докончилъ онъ и дымомъ
Праведнаго скрыло.
—«Молитеся! Молитеся!
«Господи помилуй!..
«Прости Ты имъ, вѣдь не знаютъ...»
Больше не слыхали
Словъ святого. Какъ собаки,
Чернецы стояли
У костра: чтобы не выползъ
Онъ змѣей изъ жара,
Не заползъ бы на корону
Или на тіару...
Догорѣлъ костеръ—и вѣтеръ
Пепелъ, тихо вѣя,
Ужъ разноситъ. Кто-то видѣлъ

На тіарѣ змѣя...
Вотъ монахи собрались
И «Te Deum» спѣли,
А потомъ пошли обѣдать
И спокойно ѣли,
Отъ ѣды опухли даже...
Малою семьею
Пришли чехи, взяли землю
И съ тою землею—
Вмѣстѣ съ пепломъ—пошли въ Прагу...

Такъ вотъ осудили
Чернецы Ивана Гуса,
Правды жъ не спалили,
И не знали, что вылетитъ
Онъ орломъ изъ тучи,
А не гусемъ—и тіару
Расклюетъ могучій...

Нѣтъ имъ дѣла;—разлетѣлись,
Словно тѣ вороны,
Пиръ окончивши кровавый.
Чернецы, бароны
Стали жить въ своихъ хоромахъ,
Ничего не зная,
На пирахъ порой «Te Deum»
Громко распѣвая...
Все покончено.
Но стойте,—
Вонъ надъ головою
Старый Жижка съ Таборова
Махнулъ булавою!..

10/x, 1845.
С. Марьинское.

Субботовъ *).

Стоитъ въ селѣ Субботовѣ
На горѣ высокой
Гробъ родимой Украины,
Широкій, глубокій;
Это—церковь Богданова;
Тамъ онъ въ ней молился,
Чтобъ москаль добромъ и лихомъ
Съ казакомъ дѣлился.
Миръ-покой душѣ Богдана!..
Не такъ вышло дѣло:
Москали—что усмотрѣли,
Все забрали смѣло.
Разрываютъ ужъ могилы,
Въ погребахъ копаютъ,
Ищутъ денегъ—не находятъ—
И за то ругаютъ.
Такъ-то вотъ, Богданъ нашъ, батька,
Отдалъ ты въ неволю
Украину. И за это
Выпала на долю
По дѣламъ твоимъ и слава;
Да за что и славить?—
Что пріятелей царицы
Налетѣла сила,
Задавила ту Украйну,
Что ляховъ сломила...
Все пріятелямъ ты отдалъ—
И нужды имъ нѣту;
Говорятъ: «и прежде было
Все, вѣдь, наше это,
Лишь татарамъ и полякамъ
Мы внаймы сдавали»...

*) Послѣ смерти Шевченка, стихотвор. это носило названіе „Могила Богданова".

Можетъ, правда. Пусть ужъ будетъ
Такъ, какъ вы сказали.
И смѣются надъ Украйной...
Но пора настанетъ,—
Та могила-церковь рухнетъ—
И Украйна встанетъ.
И развѣетъ тьму неволи,
Правды свѣтъ засвѣтитъ,
И помолятся на волѣ
Невольничьи дѣти...

21/x, 1845.
Миргородъ.

Кавказъ.

(Якову де-Бальмену) *).

За горами горы—тучами повиты;
Засѣяны горемъ, кровію политы.
Спокоинъ вѣка Прометея
Тамъ орелъ караетъ;
Каждый день долбитъ онъ ребра,
Сердце разрываетъ.
Разрываетъ, да не можетъ
Выпить кровь живую,
Вновь смѣется сердце, чуя
Силу молодую...
Не умретъ и наша правда,
Не умретъ и воля,—
И завистливый не вспашетъ
На диѣ моря поля.
Не скуетъ души живой онъ

*) Іаковъ де-Бальменъ, которому посвящено это стихотвореніе, украинецъ, потомокъ французской фамиліи, пріятель Шевченка, погибъ въ бою съ черкесами на Кавказѣ.

И живого слова;
Не унизить славы Бога
Господа Святого.
Не намъ съ Тобою спорить, Боже,
Не намъ дѣла Твои судить;
Намъ только плакать, плакать, плакать
И хлѣбъ насущный свой мѣсить
Съ кровавымъ потомъ и слезами.
Смѣются палачи надъ нами,
А правда наша пьяной спитъ.

Ахъ, когда жъ она проснется?
И когда Ты отдохнуть
Ляжешь, Боже, утомленный,—
Вольно дашь и намъ вздохнуть?
Мы вѣруемъ Твоей силѣ
И Духу живому:
Встанетъ правда, встанетъ воля—
И Тебѣ, Святому,
Поклонятся всѣ языки
Во вѣки и вѣки;
А пока что—текутъ рѣки,
Кровавыя рѣки.

За горами горы—тучами повиты;
Засѣяны горемъ, кровію политы.
По «Нашей Милости» вотъ такъ
И воля ваша запропала.
Хоть за нее легло костьми
Людей муштрованныхъ немало.
А слезъ? А крови?—Напоить
Всѣхъ угнетателей бы стало,
Дѣтей и внуковъ!.. Утопить
Во вдовыхъ слезахъ! А дѣвичьимъ
Слезамъ, пролитымъ по ночамъ,
И мѣры нѣтъ!.. А слезъ кровавыхъ
Отцовъ и матокъ вашихъ старыхъ,—
Горячихъ, жгучихъ этихъ слезъ,—

Не рѣки—море разлилось,
Огнемъ пылающее море!..

Слава, слава, слава вамъ—
Борзымъ, и гончимъ, и псарямъ,
. . . . . .
Слава!

Слава вамъ—горамъ высокимъ,
Вѣчнымъ льдомъ покрытымъ!
И вамъ—рыцарямъ великимъ,
Богомъ не забытымъ!
Боритеся,—поборете,
Вамъ Богъ помогаетъ,
За васъ сила, за васъ воля
И правда святая!..

И хлѣбъ и сакля—все твое,
Тебѣ все это Богъ даетъ;
Никто его и не отниметъ
И въ кандалы не закуетъ.
У насъ,—на то мы и учены,
Читаемъ Божіи глаголы,
И отъ тюрьмы и до престола
Мы всѣ и въ золотѣ и голы.
И васъ мы можемъ научить,
Почемъ и гдѣ хлѣбъ-соль купить.
Мы христіане: храмы, школы
И все добро, самъ Богъ у насъ.
Намъ только сакля очи колетъ,—
Зачѣмъ она стоитъ у васъ?
Зачѣмъ вашъ хлѣбъ мы не кидаемъ,
Какъ псамъ голоднымъ вамъ? Зачѣмъ,
Что солнце свѣтитъ вамъ и грѣетъ,
Съ васъ податей мы не беремъ?
Не многого, вѣдь, мы желаемъ,
А лишняго и не возьмемъ;—
Христа мы свято почитаемъ

И сыты малымъ мы бываемъ.
Вотъ если бъ съ нами подружились,
Вы многому бы научились.
Одна Сибирь у насъ безъ края;
А сколько тюрьмъ кругомъ стоитъ!
Отъ молдаванина до финна
На всѣхъ языкахъ все молчитъ.—
Знать, благоденствуетъ!.. У насъ
Святую библію читаетъ
Святой чернецъ и поучаетъ,—
Какой-то царь, свиней, вишь, пасъ
И полюбилъ жену онъ друга;
Его убилъ,—она жъ потомъ
Была царю жена-подруга.
Теперь сидитъ на небѣ онъ!
Смотрите же, какой законъ
У насъ царитъ! Еще вы темны,
Святымъ крестомъ не просвѣщенны,
Въ науку къ намъ! У насъ дери,—
Дери да дай.—
И прямо въ рай,—
И хоть родню всю забери!

У насъ,—чего мы не умѣемъ!—
Считаемъ звѣзды, гречку сѣемъ,
Бранимъ французовъ. Продаемъ,
А то и въ карты проиграемъ,
Людей—не негровъ, а такихъ,
Людей крещеныхъ, но простыхъ.
Мы не испанцы,—Богъ помилуй,
Чтобъ у воровъ добро скупать,
Какъ тѣ жиды. Мы по закону...
Какъ апостолъ заповѣдалъ,
Любите вы брата?
Суесловы, лицемѣры,
Господомъ прокляты!
Вамъ люба на братѣ шкура,
Не душа живая!

По закону эту шкуру
Съ брата вы сдирая,
Отдаете милой дочкѣ,
Чтобы шубу сшила
И женѣ, чтобы ботинки
Новыя купила.
На приданое побочнымъ
Дѣткамъ пригодится;
А себѣ на то, что втайнѣ
Отъ семьи хранится.
За кого жъ Ты принялъ муки,
Христе, Сыне Божій?
За насъ добрыхъ? Иль за правду—
Истины? Иль можетъ,
Надъ Тобой же поглумились?
Такъ оно и сбылось:
Часовни, храмы и иконы,
Ряды свѣчей и мирры дымъ,
И передъ образомъ Твоимъ
Въ поту лица кладемъ поклоны
За кражу, за войну, за кровь.
Чтобъ брата кровь пролить, мы просимъ,
Потомъ Тебѣ же въ даръ приносимъ
Съ пожара краденый покровъ.
Просвѣтясь, другихъ желаемъ
Свѣтомъ Божьимъ этимъ
Просвѣтить. Открыть незрячимъ
Солнце правды дѣтямъ.
Все покажемъ, только дайте
Намъ себя васъ въ руки взять;
Мы научимъ тюрьмы строить,
Цѣпи крѣпкія ковать,
Какъ носить ихъ, какъ плести
Узловатые кнуты...
Все покажемъ, только дайте
Ваши горы намъ забрать,
Что остались,—вѣдь успѣли
И поля и море взять!..

И тебя загнали, другъ ты мой единый,
Яковъ, другъ мой милый. Не за Украину,
За того, кто волю у нея укралъ,
Праведную кровь ты, другъ мой, проливалъ.
Изъ московской чаши выпилъ ты отраву,
И стяжалъ на вѣки вѣчную ты славу.
Живи же въ отчизнѣ безсмертной душой!
Летай съ казаками по-надъ берегами,
Будь сторожемъ славы Украйны родной!
И плачь съ казаками святыми слезами,
И жди—изъ неволи вернусь я домой!
А пока что—мои думы,—
Мою злую долю—
Буду сѣять—пусть ласкаетъ
Вѣтерокъ ихъ въ полѣ.
Вѣтеръ тихій изъ Украйны
Донесетъ съ росою
До тебя, мой другъ, тѣ думы,
Съ братскою слезою,
И съ привѣтомъ, и любовью
Ты читать ихъ станешь,—
И могилы, степи, горы
И меня вспомянешь!..

18/xi, 1845.
Переяславль.

Мертвымъ, и живымъ, и ненарожденнымъ землякамъ моимъ, въ Украинѣ и не въ Украинѣ находящимся, мое дружеское посланіе.

„Аще кто речетъ, яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ—ложь есть".

Солнце всходитъ и садится,—
Божій день проходитъ,
И уставшій, утомленный

Людъ покой находитъ;
Только я, какъ окаянный,
День и ночь все плачу,—
Окруженъ толпою шумной
Даромъ слезы трачу,—
Видѣть ихъ никто не хочетъ,
Словно и не чуютъ,
И, оковами мѣняясь,
Правдою торгуютъ;
И людей въ ярмо впрягая,
Бога унижаютъ;
Пашутъ ими и бѣдою
Поле засѣваютъ.
А что будетъ?—Посмотрите,
Что тамъ выйдетъ въ полѣ!
Опомнитесь, недолюдки,
Дѣти злой недоли!
Полюбуйтесь, посмотрите
На рай—Украину,
И всѣмъ сердцемъ полюбите
Родину-руину...
Цѣпь порвавъ, соединитесь;
Вы и на чужбинѣ
Не ищите понапрасну,
Чего нѣтъ въ помнѣ
И на небѣ, а не только
У чужого поля;—
Въ своей хатѣ—своя правда
И сила, и воля!..
Другой Украйны нѣтъ на свѣтѣ,
Другого нѣтъ нигдѣ Днѣпра!
А вы стремитесь на чужбину
Тамъ добывать себѣ добра,—
Добра святого, братства, воли,
Любви и истины... Нашли,—
Несли, несли съ чужого поля
И въ Украину принесли
Одни слова!—Слова—и только;

А кто изъ васъ намъ не кричалъ,
Что вы избранники, пророки,
Что самъ Господь васъ къ намъ послалъ
Не для того, чтобъ предъ неправдой
Склонялись головы у васъ!
А гнетесь вы, какъ гнулись прежде,
Дерете шкуру также съ насъ,
Съ людей и темныхъ и убогихъ,
И снова въ правдѣ подкрѣплять
Себя, въ нѣмечину стремитесь...
О, если бы съ собою взять
Могли все доброе, что дѣды
Для васъ награбили,—тогда
И Днѣпръ и горы бъ сиротами
Безъ васъ остались навсегда!..

Когда бы такъ сталось, что вы не вернулись,
Тамъ сгибли, гдѣ свѣтъ вамъ пришлось увидать,—
Не плакали бъ дѣти, и мать не рыдала бъ,—
Не стали бъ напрасно на Бога роптать!
И вы не носились бы гнойной заразой
Надъ чистой, широкой, свободной землей;
И что за орлы вы—не знали бы люди,
Никто не кивалъ бы на васъ головой!..

Оглянитесь! Или скоро
Къ вамъ бѣда нагрянетъ:
Людъ порветъ свои оковы
И свободный встанетъ.
Судъ придетъ,—и Днѣпръ, и горы
Скажутъ вамъ—о, горе!..
Кровь рѣками разольется
И польется въ море.
Братъ отъ брата отречется;
Мать свою родную
Не признаетъ сынъ въ ту пору—
Въ ту годину злую.
И дымъ тучею закроетъ
Солнце передъ вами,
И навѣки проклянетесь

Вашими сынами!..
Умойтеся, образъ Божій
Грязью не скверните,
Господами быть надъ нами
Дѣтокъ не учите.
Будетъ время—правда Божья
Въ душу имъ заглянѐтъ
И суда, расправы грозной
День для нихъ настанетъ.

Когда бъ учились вы какъ нужно,
То мудрость бы была своя,
А то залѣзете на небо—
«И мы—не мы! и я—не я!
И все-то вижу, все-то знаю
И ада нѣтъ, и нѣту рая,
И Бога нѣтъ!—а только я
Да нѣмецъ мудрый и ученый...»
— Такъ въ чемъ же мудрость-то твоя?
— А ты-то что такое?
— «Пусть за насъ отвѣтитъ нѣмецъ,—
Мы про то не знаемъ!..»
— Такъ вотъ какъ вы просвѣтились
Чужеземнымъ краемъ!
Нѣмецъ скажетъ: «Вы монголы!»

— Монголы, монголы!
Золотого Тамерлана
Мы внучата голы!
Нѣмецъ скажетъ: «Вы славяне!»

— Мы славяне, вѣрно—
Нашихъ прадѣдовъ великихъ
Правнуки мы скверны!..
Шафарика и Коляра,
Ганку изучаютъ
И брататься со славянствомъ
Отъ души желаютъ.
Всѣ исторіи, языки—
Все вы изучили,

Научиться лишь родному
Языку забыли.
— «Какъ понять родное слово,
Нѣмецъ намъ укажетъ,
А пока онъ намъ же нашу
Жизнь всю поразскажетъ.
Вотъ тогда мы разойдемся!»
Ну, и заходили,—
По нѣмецкому показу
Всѣ заговорили,
Такъ что нѣмецъ самъ не понялъ—
Учитель великій;
Гдѣ же вникнуть сѣрымъ людямъ?
А гвалту, а крику!..
«И гармонія, и сила,—
Музыка Эдема!
А исторія,—народа
Вольнаго поэма!
Что тамъ съ Брутами своими
Старый Римъ надменный!—
У насъ Бруты и Коклесы
Въ славѣ незабвенной!
У насъ воля выростала,
Днѣпромъ умывалась,
Подъ головы горы клала,
Степью укрывалась».

И не разъ ей приходилось
Кровью умываться,
Сномъ тяжелымъ на казацкихъ
Трупахъ забываться!..
Поразмыслите объ этомъ,
Прочитайте снова
То, что сказано о славѣ
Отъ слова до слова.
И ни титлы, и ни знака
Вы не пропускайте,—
Что такое вы за люди—

Подлинно узнайте,
Кто отцы? и чьи вы дѣти?
Какъ въ неволѣ жили
И поймете,—кто такіе
Ваши Бруты были!..
Вы запродали навѣки
Свою вольну волю!

Можетъ чванитесь, что Сѣча
Вѣру отстояла,
Что Синопомъ, Трапезондомъ
Щи подогрѣвала?
Батьки ѣли, оттого васъ
И тошнитъ немножко!..
А на Сѣчи-то у нѣмца
Выросла картошка.
Онъ ее пустилъ въ продажу,—
Ѣшьте на здоровье,
Да хвалите Запорожье;—
Ну, а чьею кровью
Поливалося то поле
Славы и свободы?—
Все равно вамъ,—не пропали бъ
Только огороды!
А гордитесь: Запорожье
Польшу раздавило!
Правда ваша,—Польша пала,
Да и васъ накрыла!..

Такъ вотъ какъ лили кровь отцы
За родину и за Варшаву,
Оставивъ намъ, своимъ сынамъ,
Цѣпями скованную славу!..
Польской знати соръ и грязь
Ваши славные гетма́ны;
Чѣмъ же чванитеся вы,—
Вы украинскіе па́ны?
Тѣмъ, что носите ярмо

Лучше дѣдовъ, какъ бывало?
Съ васъ теперь дерутъ ремни,
А изъ нихъ топили сало!..

И конецъ пришелъ Украйнѣ!
Пусть про это знаютъ,
Что, какъ ляхи, свои дѣти
Ее распинаютъ.
Словно пиво, кровь изъ реберъ
Праведную точатъ,—
Современными огнями
Просвѣтить, вишь, хочутъ,—
Мать сѣдую и слѣпую
Повести за вѣкомъ,
По нѣмецкому указу
Сдѣлать человѣкомъ.
— Чтожъ,—ведите и учите,—
Будетъ вамъ награда:
Передъ вашими очами
Упадетъ преграда,
И поднимется и встанетъ
Передъ вами слава
Вашихъ прадѣдовъ и дѣдовъ
И отцовъ лукавыхъ!..

Учитеся, мои братцы,—
Учитесь, читайте;
Но, чужому научаясь,
Свое не бросайте:
Кто забудетъ мать родную,—
Тѣхъ Господь караетъ,
Отъ людей тотъ ни привѣта,
Ни ласки не знаетъ.
Свои дѣти—какъ чужія;
И нигдѣ для злого
На всей землѣ безконечной
Нѣтъ пріюта, крова!

Я рыдаю,—только вспомню
Про дѣла былыя
Нашихъ дѣдовъ. Чтобъ забыть ихъ,
Годы молодые
Я бы отдалъ,—не жалѣлъ бы
Жизни половины.
Вотъ какая наша слава,
Слава Украины!
Глубже вдумайтесь, вчитайтесь,
Чтобы передъ вами
Вся неправда поднялася
Съ вашими дѣлами.
Чтобъ раскрылися могилы
И вамъ показали
Тѣхъ, кого за правду люди
Въ прошломъ распинали...

Обнимите же, о, братья,
Брата бѣдняка,—
Пусть у матери не льется
Горькихъ слезъ рѣка.
Пусть дѣтей благословляетъ
Твердыми руками,
Вы же братьевъ поцѣлуйте
Вольными устами;—
И забудется навѣки
Давняя година,—
Снова въ доброй славѣ встанетъ
Наша Украина;
Свѣтъ великій разольется
По родному краю...
Обнимитесь же, о, братья,
Я васъ умоляю...

1845. 14. XII.
Вьюнища.

Холодный яръ *).

У всякаго свое горе.
У меня есть горе,
Не свое хотя, чужое,
А все-таки горе.
Для чего припоминать то,
Что давно минуло;
И будить, что сномъ глубокимъ
Крѣпко такъ уснуло?
Вотъ хоть Яръ.—Къ нему тропинки
Заросли травою,
И сдается, что никто тамъ
Не ступалъ ногою.
А какъ вспомнишь,—былъ когда-то
Торный путь, широкій
Отъ обители Мотрина
Прямо въ Яръ глубокій;
Тамъ сходились гайдамаки,
Таборомъ стояли;
Приготавливали копья,
Ружья исправляли.
Собирались въ Яръ глубокій
Чтобы встать безъ страха
На злодѣя лукаваго
На лютаго ляха...
Гдѣ же путь?—Заросъ ли лѣсомъ?
Или засадили
Палачи, чтобъ больше къ Яру
Люди не ходили
На совѣтъ,—какъ быть, что дѣлать
Съ новыми врагами,—

*) Монастырь Мотриновскій стоитъ среди лѣсовъ Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губ., недалеко отъ мѣстечка „Медвѣдевка“. Въ этихъ лѣсахъ Желѣзнякъ организовалъ возстаніе гайдамаковъ въ 1768 г.

Людоѣдами лихими,
Добрыми панами?
Что преграды!—Вотъ надъ Яромъ
Желѣзнякъ витаетъ
И на Умань смотритъ зорко,
Гонту поджидаетъ!..
Не топчите и не прячьте
Божьяго закона;
И святымъ не почитайте
Лютаго Нерона.
Не гордитеся священной
Царскою войною:
Не знаете, за кого вы
Льете кровь рѣкою,
А кричите, что «души, вишь,
Тѣла не жалѣю
За отечество».—Ей Богу,
Вы овцы глупѣе!
Глупый шею подставляетъ,
А за что—не знаетъ;
А туда жъ еще героя—
Гонту уничаетъ:
«Гайдамаки—не воины,
Разбойники, воры,
Пятно въ нашей исторіи»...
Лжете, людоморы!
За святую правду, волю
Разбойникъ не встанетъ!
Отъ цѣпей освобождать онъ
Темный людъ не станетъ!
Приговоръ не дастъ онъ смертный
Лукавому сыну;
Не положитъ сердце, душу
Онъ за Украину!
Вы, разбойники, не сыты!
Вороны вы злые!
Гдѣ такіе отыскали
Законы святые,

Чтобъ землею и людями
Торговать открыто?
Берегитесь! Дѣло злое
Будетъ не забыто.
Обмануть дѣтей не трудно
И себя обманешь,
Но предъ Вѣчнымъ Судіею
Какъ же лгать ты станешь?
Скоро день настанетъ новый,
Будетъ жизнь иною,
И огонь изъ Яра вспыхнетъ,
Потечетъ рѣкою...

17/XII, 1845.

Маленькой Марьянѣ.

Рости, рости, моя пташка,
Цвѣтъ ты мой махровый,
Пока въ жизни ты не знаешь
Злой бѣды, суровой!
Разузнаютъ злые люди,
Гдѣ ты расцвѣтаешь,—
Поиграютъ, посмѣются,—
Горе ты узнаешь.
Не разжалобятъ ихъ годы,
Годы молодые,
Не омытыя слезами
Очи огневыя.
Не посмотрятъ, что ты сердцемъ
Чистая, святая,
Все украдутъ. Будешь жить ты,
Бога проклиная...

Увядай же, цвѣтъ мой юный,
Цвѣтъ ты мой махровый,
Пока сердце не разбито
Долею суровой.

20/XII, 1845.
Вьюница.

---

* * *

Идутъ, проходятъ дни за днями:
Минуло лѣто; шелеститъ
Гонимый вѣтромъ листъ осенній;
Безъ думъ, безъ жизни сердце спитъ
Все такъ спокойно, что не знаю—
Живу ли я, иль доживаю
Иль просто по свѣту влачусь,—
Уже не плачу, не смѣюсь!
Боже, не далъ Ты мнѣ доли
Въ жизни никакой!
Если было жалко доброй—
Не жалѣлъ бы злой.
А безъ доли, да безъ счастья
Заживо умрешь;
Какъ негодная колода
Пропадешь, сгніешь!..
Боже добрый! Боже щедрый!
Дай душой мнѣ жить
И весь міръ твой—чудный, дивный
И людей любить!
Страшно, тяжко жить въ неволѣ—
Взаперти сидѣть;
Но страшнѣй на вольной волѣ
Мертвецомъ глядѣть
На борьбу, на трудъ упорный,
Что кипитъ кругомъ!..

Жить—и слѣда не оставить
По себѣ ни въ чемъ—
Страшно!.. Доля, отзовися!
Гдѣ твой слѣдъ пропалъ?..
Если доброй доли не далъ,
Боже, злую бъ далъ!..

1845. 21. xii.
Вьюница.

Три года *).

Дни идутъ, проходятъ ночи,
И года стрѣлою
Пролетаютъ, забираютъ
Все добро съ собою.
О холодный камень душу,
Сердце разбиваютъ;
Похоронную молитву
Тихо напѣваютъ.
И всему конецъ, что было
Отнынѣ до вѣка.—
И остался на распутьи
Я—слѣпой калѣка...
Хоть недолгіе, казалось,
Тѣ три года были,
Только много въ моей хатѣ
Горя натворили.
Изсушили мое сердце—
Бѣдное, больное;
Взяли доброе, оставивъ

*) Новое стихотвореніе, найденное въ Департаментѣ Полиціи. Этимъ стихотвореніемъ кончался циклъ стихотвореній, написанныхъ Шевченкомъ за три года (1843—1845 г.), которыя Шевченко переписалъ въ одну тетрадь и далъ ей заголовокъ: „Трі літа“ (Три года).

Только злое, злое.
Мои слезы ѣдкимъ дымомъ,
Чадомъ окурили,
Что лилися съ Катериной,
Какъ мы съ ней бродили,
Что молились съ казаками
Въ турецкой неволѣ,
Что Оксанѣ—зорькѣ алой,
Моей свѣтлой долѣ,
Бѣло личико дѣвичье
Въ горѣ умывали,
Все съ собою безъ остатка
Годы тѣ забрали.
Жаль отца и мать мнѣ старыхъ,
Женку молодую
Да веселую—безъ время
Въ землю класть сырую;
Много горя, да не столько,
Какъ тому дурно́му,
Что полюбитъ, поженится,
А она другому
За три гроша продается,
Да надъ нимъ смѣется.
Вотъ гдѣ горе, гдѣ отъ муки
Сердце разорвется!..
Вотъ такое же случилось
Горе и со мною:
Полюбилъ людей всѣмъ сердцемъ,
Пылкою душою.
Люди сердце приласкали,
Нѣжно полюбили,
А лѣта тихонько крались
И слезы сушили.
Оглянулся,—ужъ не люди—
Змѣи въ кольцахъ вьются,
И засохли мои слезы,
Больше ужъ не льются.
Утоляю жажду сердца

Я отравой злою,
И не плачу, не пою ужъ,
А вою совою...
Такъ вотъ такъ-то!.. Что хотите,
То и говорите,—
Или громко унижайте,
Иль тайкомъ хвалите
Мои думы—все равно мнѣ!—
Снова не вернутся
Мои годы молодые,
Думы не проснутся,
Не вернутся! И я сердцемъ
Къ вамъ ужъ не вернуся,
И не знаю, гдѣ я дѣнусь,
Гдѣ я преклонюся?
Какъ на исповѣди, думы
Я кому открою?
И кому больную душу
Ими успокою?
Думы мои! годы мои,—
Годы молодые!
Гдѣ же вы пріютъ найдете,
Дѣти мои злыя?
Никуда не выходите
Изъ дома далеко;
Я же годъ четвертый, новый,
Встрѣчу одиноко.
Ну такъ здравствуй же, годъ новый,
Въ одежёнкѣ старой.
Что жъ несешь ты Украинѣ
Въ торбѣ обветшалой?
«Благоденствіе—указомъ
Новенькимъ повито»...
—Передай поклонъ мой людямъ,
Долей злой забитымъ!

22/xii, 1845.
Вьюница.

Завѣщаніе.

Какъ умру—похороните
На Украйнѣ милой;
Пусть курганъ въ степи широкой
Будетъ мнѣ могилой.
Положите такъ, чтобъ видѣлъ
Я луга и кручи,
Чтобы слышалъ, какъ волнами
Днѣпръ реветъ могучій...
Какъ польется по Украйнѣ
Вражья кровь рѣкою,—
Вотъ тогда-то поднимусь я,
Оживу душою.
Буду Господа молить я
Дать родному краю
Вольной воли,—до того же
Бога я не знаю!
Схоронивши, поднимайтесь,
Цѣпи разорвите;
Злою, вражескою кровью
Волю окропите.
И меня въ семьѣ великой,
Въ братствѣ вольномъ, новомъ
Помянуть не позабудьте
Добрымъ, тихимъ словомъ.

25. XII. 1845.
Переяславь.

Русалка.

Въ барскихъ каменныхъ палатахъ
Мать меня родила;
Отнесла къ Днѣпру украдкой,
Тамъ и утопила.

Такъ, меня бросая въ воду,
Тихо говорила:
«Ты плыви, плыви, родная
Съ синею волною;
Завтра выплыви русалкой
Ты ночной порою;
Завтра выйду съ нимъ гулять я,—
Замани съ собою
Своего роднаго батьку,
Пусть онъ не смѣется,—
Не моими кровь-слезами,
А водой упьется.
Пусть въ рѣкѣ онъ погуляетъ
Съ дочкою родною...
Такъ плыви, плыви, сиротка,
Съ синею волною...»
И отъ берега, рыдая,
Побѣжала мать моя.
Поплыла, качаясь тихо,
По волнамъ Днѣпровскимъ я,—
И русалокъ повстрѣчала,—
Захвативъ меня съ собой,
Дно онѣ мнѣ показали,
Стали звать меня сестрой.
Вотъ недѣля—какъ росту я,
Съ сестрами гуляю,
Въ полночь въ заросли зеленой
Батьку поджидаю.
Да и думаю: быть можетъ,
Мать его простила,
И живетъ, и веселится,
Про меня жъ забыла!
И русалка въ Днѣпръ глубокій
Бросилась, нырнула
Словно камень, только ива
Вѣтви всколыхнула...
Вышла мать гулять на берегъ
Полночью глубокой:

Пана Яна нѣту дома,—
Скучно одинокой.
Вотъ и вспомнилась ей дочка
Будто ненарокомъ,
Какъ она ее топила
Въ омутѣ глубокомъ.
И опять пошла къ палатамъ
Въ сердцѣ безъ печали,
А ее въ кустахъ русалки
Ждали, поджидали;
Обступили незамѣтно
Цѣлою толпою
И со смѣхомъ потащили
Въ воду за собою.
Поиграли, посмѣялись,
Въ вершу запихали...
У одной русалки только
Слезы засверкали!

1846. 9. VIII.
Кіевъ.

Вѣдьма *).

Да прійдетъ же смерть на ня и да сиидутъ во адъ живи, яко лукавство въ жилищахъ ихъ, посредѣ ихъ.

Молюсь я, снова уповаю,
И снова слезы проливаю,
И думу тяжкую мою
Нѣмымъ стѣнамъ передаю!
Отзовитесь же, заплачьте,
Стѣны, вы со мною
Надъ неправдою людскою

*) Въ первой редакціи поэма называлась „Осика“ (осина).

И надъ долей злою!
Отзовитесь! А за вами,
Можетъ, отзовется
Доля-горькая судьбина
И намъ улыбнется.
Примиритъ съ несчастьемъ горькимъ
И съ людьми—и скажетъ
Намъ спасибо: помолится,
Да и спать заляжетъ.
И примиренному приснится
Иная жизнь: во всемъ любовь,
И все добро. Онъ встанетъ рано
Веселый, и забудетъ вновь
Про горе злое. И въ неволѣ
Познаетъ рай, познаетъ волю
И всетворящую любовь!

I.

Растетъ въ полѣ на могилѣ
Дерево проклято:
Похоронена тамъ вѣдьма;—
Креститесь, дѣвчата,
Крестится и не льститесь
На пановъ лукавыхъ:
Пропадете вы на вѣки
Отъ недоброй славы,
Славы злой на этомъ свѣтѣ,
А на томъ... О, Боже,
Васъ храни! За грѣхъ тяжелый
Самъ Богъ не поможетъ.
Пусть паны, смѣясь, глумятся,
Братьями торгуютъ,
Вызывая слезъ потоки,
Съ сатаной пируютъ.
Что имъ?—души запродали,—
Нечего бояться.
Вамъ же здѣсь на свѣтѣ надо

Жить—остерегаться.
Берегитесь! И любитесь
Хоть и съ бѣдняками,—
Съ кѣмъ хотите, мои любы,
Только не съ панами...
Не задолго до зимняго Николы,
Ободраны, почти что голы,
Дорогой Бендерской въ ночи
Цыгане шли, а идучи
Тихонько пѣсни напѣвали;
Такъ шли, да шли—и станомъ встали,
И у дороги свой шатеръ
Поставили—и развели костеръ.
Кругомъ усѣлись: на огнѣ
Кто жаритъ мясо; въ тишинѣ
Сидитъ безъ ужина кто такъ:—
На то и вольный онъ казакъ!
(Лжетъ слово! Времена не тѣ.)
Сидятъ и дремлютъ. Въ темнотѣ,
Вдругъ слышатъ, пѣсня долетаетъ;
Ее какъ будто распѣваетъ
Молодка, возвращаясь въ домъ
Съ веселой свадьбы подъ хмелькомъ:

«Ахъ, какъ въ хатѣ новой
Шумъ угомонился,—
Молодухѣ ночью
Сонъ такой приснился:
Мать ея рехнулась,
Свекоръ поженился,
Батька утопился.
И... гу!..»

Цыгане слушаютъ, смѣются:
Откуда люди тутъ возьмутся?
Поютъ, знать, гдѣ-то за Днѣстромъ,—
Тутъ степь глухая лишь кругомъ.
«Смотрите! Призракъ!»—Всѣ столпились,

И передъ ними вдругъ явилось
То, что тамъ пѣло.—Скорбь и страхъ!
Въ лохмотьяхъ нищенскихъ стояла,
Дрожа, фигура. На ногахъ
И на рукахъ повыступала
Отъ стужи кровь—и струпомъ стала.
И косы долгія въ репьяхъ
О полы бились въ колтунахъ.
Она сначала постояла,
Потомъ, къ огню присѣвши, стала
Грѣть руки въ полымѣ...
«Ну, такъ.
Женился нищій. Эхъ, бѣднякъ!»
Сама съ собой она шепталась
И страшно-страшно улыбалась.
Что жъ это было?—То сестра,
То, люди, мать моя родная!
То вѣдьма...

Цыганъ.

— А ты откуда, молодица?

Вѣдьма.

— Кто? Я?

(Поетъ:)

«Какъ была я молодицей,—
Цѣловались съ бѣлолицей;
А какъ старой бабой стала,—
Ужъ охотниковъ-то мало!»

Цыганъ.

Пѣвуча, нечего сказать!
Вотъ, намъ такую бы достать
Да съ медвѣдемъ...

Вѣдьма.

Я все пою,—
Сижу ли я, или гуляю,
Я все пою, все напѣваю:

И говорить ужъ позабыла,
А прежде славно говорила.

Цыганъ.

Гдѣ жъ ты блуждала? Гдѣ была?

Вѣдьма.

Кто? Я? Иль ты? *(Шепчетъ.)* Тс-съ! Кто кричитъ?
Вонъ видишь,—панъ со мной лежитъ.
Огонь погасъ и мѣсяцъ всходитъ:
А въ чащѣ оборотень бродитъ...
А я на свадебкѣ кутила,
Да тамъ себя и загубила.
А все проклятые паны,—
Они насъ губятъ безъ вины,—
Умѣютъ ловко одурить...
Мнѣ сына надо поженить;—
Пойду: а то вѣдь не сумѣютъ
И въ гробъ сыночка положить.

Цыганъ.

Куда ты? Оставайся съ нами,—
Живемъ мы вольно подъ шатрами.

Вѣдьма.

А дѣти есть у васъ?

Цыганъ.

Нѣтъ, нѣту.

Вѣдьма.

О комъ заботитеся вы?
Кого же спать съ собой кладете?
Кого колышете въ ночи?
Съ молитвой за кого встаете?
Охъ, дѣти, дѣти.—Все-то дѣти!
Куда же мнѣ отъ нихъ уйти?
Гдѣ ни хожу,—они за мною,

Они съѣдятъ меня живою
Когда-нибудь...

Цыганъ.

Ты не грусти,—
Дѣтей у насъ нѣтъ и заводу.

Вѣдьма.

Ну, хоть сейчасъ съ горы да въ воду...

И вѣдьма тяжко зарыдала.
Цыганъ ватага замолчала
И долго слушала ее,
Пока ихъ сонъ не обуялъ,—
Уснули, гдѣ кто ни упалъ.
Одна она грустя сидѣла,
И не спала, лишь ноги грѣла
Въ горячемъ пеплѣ. Вотъ взошла
Луна изъ-за высокой кручи
И на шатеръ, пока за тучи
Не скрылась, бѣлый свѣтъ лила.

Что не спится богатѣю
Сытому, сѣдому?
Что не спится сиротинѣ—
Бѣдняку простому?
Первый думаетъ,—въ палатахъ
Какъ ему прибраться,
А второй—какъ поскорѣе
Къ паперти добраться;
Сытый въ гробѣ пышномъ ляжетъ
Важнымъ господиномъ,
А бѣднякъ протянетъ ноги
Гдѣ-нибудь подъ тыномъ.
И заснутъ они на-вѣки;
Бѣдняка забудутъ,
Богатѣя же, пожалуй,
И ругать всѣ будутъ.

Не спится сѣдому ни въ полѣ, ни въ хатѣ,
А надо свой вѣкъ какъ-нибудь коротать.

II.

У огня старикъ-цыганъ
Съ трубкою усѣлся;
На помѣшанную онъ
Зорко засмотрѣлся.

Цыганъ.

Ты что же спать не захотѣла?
Звѣзда восходитъ—посмотри.

Вѣдьма.

Ты самъ смотри, а я смотрѣла.

Цыганъ.

Мы рано встанемъ—до зари,
А ты проспишь.

Вѣдьма.

Я не просплю,
Не суждено ужъ мнѣ проспаться,
А вотъ когда-нибудь остаться
Въ глухомъ бурьянѣ навсегда.

(Тихо поетъ:)

«Лѣсъ - лѣсочекъ темный — рай.
Тихій, тихій мой Дунай.
Я по лѣсу прогуляюсь,
А въ Дунаѣ искупаюсь;
Отдыхать въ траву пойду
И рожу я снова дочку,
Хоть калѣку на бѣду...
И пусть, и пусть—лишь бы ходила,
Да мать умѣла бъ проклинать.
Вонъ видишь, видишь, гдѣ могила,—
Глаза кошачьи... Вонъ опять!
Тамъ очи кошки. Вонъ опять!
Кисъ! Кисъ! Проклятая ни съ мѣста!

Кисъ! Кисъ! Иди скорѣй за мной,
Я напою тебя водой.

(Поетъ:)

«На столѣ стоитъ кутья,
А за печкой—дѣти;
Народила, наплодила,
А куда ихъ дѣти?
Лучше ль ихъ повѣсить?
Лучше ль утопить?
Иль продать евреямъ,
Деньги же пропить?»

Что, хорошо у насъ поютъ?
Садись-ка рядомъ, ближе, тутъ,
Вотъ такъ! вотъ такъ! А ты не знаешь,—
Вѣдь я въ Валахіи была!
Въ Бендерахъ двойни родила;
А въ бѣлыхъ Яссахъ колыхала;
Ихъ въ Дунаѣ я купала,
Въ Туретчинѣ повивала,
А потомъ ихъ отнесла
Въ Кіевъ: тамъ ихъ безъ кропила
За три гроша окрестила,
А три гроша пропила;
Напилась я, напилась.
Я никогда не отрезвлюся;
Ужъ я и Бога не боюся,
И не соромлюся людей...
Вотъ если бъ мнѣ найти дѣтей,—
Вотъ было бъ славно!.. Ты не знаешь?
Что, есть въ Туретчинѣ война?

Цыганъ.

Была, да кончилась недавно:
Ихъ умеръ главный старшина.

Вѣдьма.

А я думала, воюютъ,—
Такъ кончилось дѣло?

Ты послушай-ка, кого я
Отыскать хотѣла:
Я ищу Наталку-дочку,
Да сынка Ивана;
Дочь Наталочку,—ты слышишь?
Да найти бы пана—
Того Ирода, который...
Стой-ка,—я припомню...
Какъ была я молодою—
Глупою такою,—
По садочку все ходила,
Въ цвѣтики рядилась.
Разъ меня въ саду и встрѣтилъ
Иродъ. Кабы знала,
Что была я крѣпостною,
Лучше бъ утопилась,—
Было бъ легче. Какъ увидѣлъ,
Такъ и взялъ въ покои
И остригъ, какъ будто парня,
Да въ походъ съ собою
Взялъ меня. Пришли въ Бендеры,
Съ войскомъ мы стояли
На квартирахъ. Мы въ то время
Съ туркой воевали.
Мнѣ на Спаса Богъ далъ двойни,
Онъ же—панъ проклятый!—
Взялъ да кинулъ одинокой,—
Убѣжалъ изъ хаты;
На дѣтей и не взглянулъ онъ,
Люциферъ проклятый!
И пошелъ онъ за войсками;
А я съ близнецами
Повернула на Украйну—
Безъ дорогъ, степями,
Острижена.—Ну, да что тамъ!..
Въ селахъ узнавала
Путь на Кіевъ. Злыхъ насмѣшекъ
Много я слыхала.

Даже въ рѣчкѣ утопиться
Разъ было хотѣла,
Да на горе малолѣтокъ
Дѣтокъ пожалѣла.
Кое-какъ я добралася
До родного края,
Отошла съ дороги, сѣла,
Ночи поджидая,—
Чтобъ съ людьми не повстрѣчаться,
Видишь, я старалась.
Вотъ украдкою вдоль тына
Къ хатѣ я добралась.
Въ хатѣ тьма: кругомъ все тихо:
Видно спитъ глубоко,
Иль изъ хаты вышелъ батька—
Старый, одинокій.
Подхожу я тихо, тихо,
Сердце замираетъ:
Въ хатѣ кто-то стонетъ тяжко,
Словно умираетъ.
То—отецъ!.. Крестомъ кто сложитъ
Руки неживыя?
Кто помолится? Охъ, дѣти,
Дѣти проклятыя!
Въ хатѣ вѣетъ пустотою;
Въ страхѣ я застыла
И, опомнившись, въ каморку
Дѣтокъ положила.
Отворяю дверь я въ хату,—
Батька еле дышитъ.
«Тятя! Тятя! Я съ тобою»,
Говорю,—не слышитъ.
Я въ отчаяніи батьку
За руки хватаю:
«Это я съ тобой!.. А онъ мнѣ
Шепчетъ: «Я прощаю!»
«Я прощаю!»—только это
Я и услыхала.

Какъ подкошенная на полъ
Вся въ слезахъ упала
И заснула. Лучше бъ было
Вовсе не проснуться.
Словно въ ямѣ, въ полночь въ хатѣ
Мнѣ пришлось очнуться.
Руку мнѣ отецъ сжимаетъ...
Въ страхѣ, обмирая,
«Тятя!» я кричу,—рука же
Стала ледяная.
Изъ холодныхъ рукъ насилу
Вырвала я руку...
Что, цыганъ, когда бъ такую
Дочь имѣлъ ты суку,—
Что бъ ты сдѣлалъ?

Цыганъ.

Я не знаю.

Вѣдьма.

Такъ молчи! Забуду...
Еле-еле вспоминаю:
Дѣтокъ я кормила,
Въ засѣкъ прятала. Себѣ же
Я очипокъ сшила—
Спрятать стриженыя косы;
Кое-какъ бродила,
Пока люди возлѣ хаты
Гробъ не сколотили.
Сколотили, положили,
Отнесли, зарыли.
И одна я, какъ былинка
На полѣ, осталась
Во всемъ свѣтѣ. Были дѣти—
Гдѣ они дѣвались!

(Плачетъ и поетъ:)

«Я въ оврагъ ходила,
Да воду носила,
Каравай мѣсила,

Дочку отдавала,
Сына поженила...
И... гу!..

III.

Цыганъ.

Не вой такъ жалобно,—разбудитъ
Всѣхъ крикъ твой.

Вѣдьма.

Развѣ я кричу?

Цыганъ.

Ну, хорошо. Что дальше будетъ,
Разсказывай.

Вѣдьма.

А что мнѣ дашь?
Наваришь ты завтра мамалыги?
Я кукурузы пришесу...
Вспоминаю! вспоминаю!—
Съ дочкой панъ проклятый
Спать легъ; сына же, сыночка
Выгналъ вонъ изъ хаты,
Сдалъ въ лакеи... Вотъ какъ было:
Я собакъ дразнила;
Вмѣстѣ съ нищими у оконъ,
Близнецовъ носила
За плечами, чтобъ привыкли...
Вотъ и панъ явился,
На село приказъ онъ отдалъ—
Такъ распорядился:
Чтобъ меня не выгоняли
Изъ отцовской хаты,
И меня взялъ съ близнецами
Онъ въ свои палаты.
Вырастаютъ мои дѣтки—

Ими утѣшаюсь—
И попрежнему со змѣемъ-
Паномъ я видаюсь.
Довидалася до краю...
Сына онъ въ лакеи
Отдалъ, слышишь. Ну, а съ дочкой...
Слышишь ли,—съ своею!..
Что по-вашему—грѣшно ли?
Такъ у васъ творится?..
Далъ мнѣ денегъ и отправилъ
Въ Кіевъ помолиться;
Да напрасно я ходила,—
Даромъ я трудилась,
И напрасно предъ святыми
Богу я молилась...
А у васъ есть Богъ?—У насъ Онъ
Выкраденъ панами
И запрятанъ Онъ въ шкатулки,
Запертъ Онъ замками!..
Вотъ изъ Кіева пришла я,—
Двери на запорѣ:
Онъ забралъ ее съ собою
И уѣхалъ вскорѣ,—
Съ ней, съ Наталочкой... Ты слышишь?
И остригъ, проклятый,
Какъ меня тогда. Помчалась
Изъ родимой хаты
Я въ Валахію. Ищу ихъ,
Какъ сова летаю
Надъ оврагами, да дѣтокъ
Съ плачемъ призываю...
Наталочку?.. Нѣтъ! Нѣтъ!—пана!
Отыщу—зубами
Разорву!.. Меня возьмите,
Я пойду за вами,
Буду я водить медвѣдя,
А какъ пана встрѣчу,
То спущу медвѣдя съ цѣпи

Палачу навстрѣчу.
Не спущу—сама грызть стану...

Я еще дѣвица,
Такъ не хочешь ли на мнѣ ты,
Цыганъ, пожениться?
Я ужъ сына пожешила,
Дочка пусть гуляетъ:
Гдѣ-нибудь она подъ тыномъ
Вѣкъ свой доканаетъ...
Посмотри—вонъ сынъ мой Ваня—
Нѣтъ его милѣе...
Ухъ, какъ холодно, морозно!..
Денегъ дай скорѣе,
Нитку бусъ куплю;—тебя же
Задушу ей!..—Слышь-ка,
Воинъ несетъ дорогой въ Кіевъ
Мышенятокъ мышка;
Встрѣтитъ панъ—отниметъ дѣтокъ
Онъ у мышки бѣдной...
Что жъ,—найду своихъ я дѣтокъ,
Сгибну ли безслѣдно?

И замолкла, какъ заснула.
Въ таборѣ вставали,
Разобравъ шатеръ, въ дорогу
Собираться стали.
Собрались,—пошли степями,
Помоляся Богу.
И она, голубка, съ ними
Тронулась въ дорогу.
Отъ возовъ она ни шагу
Шла не отставая,
Про себя тихонько-тихо
Пѣсню напѣвая:
«Говорятъ, что судъ настанетъ,
А суда не будетъ,
Осудили меня люди,
Кто жъ еще осудитъ?»

IV.

Изъ-за Дн'ѣстра пошли цыгане
И на Волынь, и на Украйну.
За селомъ село минуя,
Въ города входили,
И, какъ тѣнь, они бѣдняжку
За собой водили.
П'ѣла п'ѣсни, танцовала,
Не пила, не ѣла,—
Все ходила за обозомъ,
Словно смерть, глядѣла,
А потомъ очнулась сразу,—
Стала хорониться
За шатрами,—пить, ѣсть, Богу
По ночамъ молиться.
Что съ ней сдѣлала такое
Бабка Маріула?
Знать, дала травы цѣлебной,
Коли все минуло...
А потомъ ее учила,
Какъ вести л'ѣченье,—
Отчего трава какая,
Какъ копать коренья,
Какъ сушить, варить лекарства,
А она училась
У старухи,—да и Богу
Про себя молилась.
Л'ѣто минуло, другое,
Третье наступало,
По Украйнѣ шли. Чего-то
Вдругъ ей жалко стало.
Попрощалася со всѣми,
Помолилась Богу,
Поклонилась Маріулѣ—
Да и въ путь-дорогу.
И пришла,—и со сторонкой
Свидѣлась родною;—

Какъ ребенокъ всѣмъ довольна,
Весела душою.
Проходила ли по селамъ,
Все больныхъ искала,
Всѣхъ лѣкарствами поила,—
Всѣмъ имъ помогала.
Въ домъ лишь къ осени вернулась,
Хатку натопила.
Все, и злое и не злое—
Навѣки забыла.
И съ любовью, словно ангелъ,
Надъ землей витала,
Всѣхъ простила, всѣхъ любила—
И легко ей стало.
И сосѣди не чуждались,—
Все село любило,
А она къ боляшимъ людямъ
День и ночь ходила;
Помогала всѣмъ безъ платы,
Устали не знала,
Коль давали,—то все бѣднымъ
Людямъ отдавала.
Или свѣчку въ воскресенье
Образу поставитъ
За всѣхъ грѣшныхъ,—у себя же
Гроша не оставитъ.
«Мнѣ на что?—бывало скажетъ,—
У меня не дѣти».
И заплачетъ. Такъ вотъ такъ-то
И жила на свѣтѣ,
Вѣкъ не долгій доживала.
Дѣвчата бывало
Съ ней дневали, ночевали,
Хату прибирали,—
Бѣло-на бѣло бѣлили
И обѣдъ варили,
По веснѣ же всю цвѣтами
Хату украшали:

Ворожить и не просили,—
Такъ ее любили.
Въ хатѣ рай,—какъ будто солнце
Въ ней и не заходитъ:
Въ хатѣ цѣлый день все люди:
Никто не проходитъ,—
Кто поздравитъ съ добрымъ утромъ,
Кто травки попроситъ,
Кто калачикъ, каравайчикъ,—
И всего наносятъ.
И не въ тягость, а съ любовью
Приношенье это!
И живетъ она,—довольна
Всѣмъ,—сыта, одѣта...
Такъ-то вотъ ее любили
Всѣ и уважали,
А все-таки «покрыткою»
И «вѣдьмою» звали...

V.

Въ подушкахъ весь и съ докторами,
Съ болѣзнію—подагрой злой—
Панъ привезенъ былъ издалека
Въ Украйну раннею весной.
Одинъ пріѣхалъ. Гдѣ же дѣти?
Дочь на борзую промѣнялъ,
А сына въ карты проигралъ.
(Вотъ что случается на свѣтѣ!
А что же дѣлать? Какъ тутъ быть?)
Вотъ принялись его лѣчить,—
Всѣ доктора его лѣчили,
Чего съ нимъ только не творили!
Увы! Не будетъ ужъ грѣшить,
Хоть и хотѣлось бы... Простила!..
Святого зелья наварила
И съ добрымъ сердцемъ изъ села

Врага лѣчить она пошла
Въ палаты грустныя. Просила,
Чтобъ пана зельемъ напоить,
Божилася, что будетъ жить.
Но доктора не допустили,—
Прогнали, чуть ли не побили.
Взяла горшочекъ и пошла;
Дорогой дѣтокъ вспоминала
И плакала,—ей жалко стало,
Что пану помощь не дала.

Весна зиму прогоняетъ,
Оживаетъ грудь земли,—
И цвѣты ужъ расцвѣтаютъ;
Издалека журавли
Высоко летятъ ключами,
И широкими степями
Чумаки на Донъ пошли.
Рай на небѣ, на землѣ—
Божья благодать!
Такъ какого жъ еще рая
Людямъ бы желать?

Панъ же при смерти,—его ужъ
Даже причащали;
Чтобъ конца скорѣй дождаться,—
На солому клали...
Нѣту смерти! Что же дѣлать?—
Доктора не знали...
Вдругъ ему полегче стало.
«Мнѣ Лукерью надо!»—
Прошепталъ онъ и затрясся,
Словно въ мукахъ ада.
Привели въ палаты вѣдьму;
Доктора просили,
Чтобъ она имъ, сколько можно,
Помогла по силѣ.
Подошла къ ногамъ и молча

Тихо, тихо встала
И за грѣшнаго молитву
«Отче нашъ» читала.
Панъ очнулся, оглянулся:
«Что же вы стоите?
Вонъ ее скорѣй, скорѣе
Отъ меня гоните!..
Нѣтъ, постойте!—Ты простишь ли?
Иль ты не забыла?..»
Слезы первыя блеснули...
— «Я давно простила!..»
Дала ему свѣчку въ руки
И перекрестила.
Онъ заснулъ: навѣки сердце
Перестало биться,
И она одна осталась
За него молиться...

VI.

Записала въ поминанье,
И въ Кіевъ ходила,
И за пана за ворога
Господа молила.
А къ осени воротилась
Вновь въ родную хату,
И, какъ мать, ее встрѣчали
Съ ласкою дѣвчата,
И ходить на посидѣлки
Вечерами стали,
И, какъ мать, ее любили
Всѣ и уважали.
А она ихъ, какъ на свѣтѣ
Жизнь прожить, учила:
Говорила, какъ дѣвицей
Пана полюбила,
Какъ потомъ «покрыткой» стала,

Стриженой ходила,
Какъ блуждала съ цыганами,
Близнецовъ родила,
Какъ лѣчить ее учила
Бабка Маріула,—
И про все про то, что было
И давно минуло.
Напугаетъ такъ дивчатокъ
Сказками своими,
Что тѣ крестятся бывало,
Будто панъ тутъ съ ними.
Успокаивать начнетъ ихъ—
Проситъ, заклинаетъ:
«Не любитеся съ панами,—
Богъ васъ покараетъ!
И пойдете вы по свѣту
Такъ, какъ я ходила:
Мать и батьку погубите,
Какъ я погубила.
Ваши дѣти людямъ на смѣхъ
Будутъ жить на свѣтѣ
Также, какъ мои!.. О, Боже!
Дѣти мои!.. дѣти!..»

Вотъ такъ она научала.
Дѣвушки крестились
И плакали, а въ ночи имъ
Все паны тѣ снились,—
И съ рогами, и съ хвостами,
Будто рѣжутъ косы!
И кусаютъ, и смѣются,
И простоволосыхъ
На собакъ борзыхъ мѣняютъ,
Въ деготь окунаютъ,
И на улицу выводятъ,
И людей скликаютъ,
Чтобъ смотрѣли. Вотъ какіе
Сны имъ ночью снились!

Но онѣ къ ней «въ посидѣлки»
Все-таки сходились...

Подошла весна съ цвѣтами.
Разъ старуха встала,
Вышла въ поле за травою—
Тамъ и запропала.
И въ обѣдъ, и въ ужинъ бабку
Долго, долго ждали:
Гдѣ ихъ матка не родная,
Дѣвушки не знали;
Ужъ пастухъ сказалъ, что видѣлъ,
Въ полѣ, на могилѣ,
Какъ старуху-вѣдьму черти
Въ лужѣ утопили.
Отыскали вѣдьму: міромъ
Безъ попа зарыли;
Колъ осиновый въ могилу,
Такъ, какъ надо, вбили.
А дивчата всю могилу
Скрыли подъ цвѣтами
И осинку поливали
Горькими слезами.
И ростетъ на той могилѣ
Дерево проклято:
Вѣдьму тамъ похоронили;—
Креститесь, дѣвчата!
Крестится и не льститесь
На пановъ лукавыхъ,—
Пропадете вы навѣки
Отъ недоброй славы!..

7. III. 1847.
Седневъ.

* * *

Охъ, одна я, одна,
Какъ былинка въ полѣ!
Обдѣлилъ меня Богъ
И въ счастьѣ, и въ долѣ!

Надѣлилъ лишь меня
Ясными очами,
Да и тѣ выжгла я
Жгучими слезами.

Я ни брата, сестры,
Ни родныхъ не знаю,
Межъ чужими живу—
Вяну, засыхаю!..

Гдѣ же суженый мой?
Гдѣ же мой желанный?
Видно вѣкъ жить одной—
Бѣдной, безталанной!..

1847.
Петербургъ. Крѣпость.

———— o ————

* * *

За байракомъ—байракъ *)
Дальше—степь и могила;
Изъ могилы казакъ
Встаетъ старый, унылый
Онъ одинъ лишь встаетъ,
Ночью степью идетъ,
Грустно пѣсню поетъ:

«Наносили земли
И домой всѣ ушли—

*) Байракъ—лѣсной оврагъ.

И про насъ позабыли.
Триста всѣхъ, какъ стекло,
Нашихъ братьевъ легло;—
Нѣтъ покоя въ могилѣ!..
Какъ въ неволю гетманъ
Запродалъ христіанъ,—
Мы же братьевъ и гнали,
И зарѣзали ихъ!..
Кровью братьевъ родныхъ
Землю мы поливали;—
Такъ всѣ въ братней крови
И въ могилу легли...»

Замолчалъ и съ тоской
Онъ поникъ головой,
Опершись на копьё,
Вспоминая житьё
Прежнихъ дней, и рыдалъ,
И на Днѣпръ взоръ бросалъ;—
Глухо волны шумѣли,
Эхо лѣсомъ прошло,—
Тамъ, гдѣ было село,
Пѣтухи ужъ пропѣли,—
Провалился казакъ,
Встрепенулся байракъ,—
Застонала могила!..

1847.
Петербургъ. Крѣпость.

---

* * *

— «Что все ходишь на могилу?»
Говорила дочкѣ мать.
«И о чемъ тебѣ такъ плакать,
«Убиваться и рыдать».
— Такъ я, матушка!—на это

Дочь старухѣ отвѣчала;
И ушла опять къ могилѣ;
Мать все дочку поджидала...

Не сонъ-трава на могилѣ
Въ ночи расцвѣтаетъ,—
То дѣвица на могилѣ
Калину сажаетъ.
Проситъ Господа и плачетъ
Горькими слезами:
Ты полей, Господь, калину
По утрамъ росами,
Чтобъ калина зеленѣла,
Листьями одѣта;
Прилетитъ, быть можетъ, милый
Птичкой съ того свѣта.

Я совью ему гнѣздечко,
Стану дожидаться;
Сидя рядомъ, другъ на друга
Будемъ любоваться;
Будемъ плакать да другъ другу
Думы повѣрять,
И на небо каждымъ утромъ
Будемъ улетать...

И калина принялася,
Вѣтви распустила:
Такъ три года на могилу
Дѣвица ходила.
На четвертый—не сонъ-трава
Въ ночи расцвѣтаетъ,—
То дѣвица подъ калиной
Плачетъ, причитаетъ:

— Широкая, высокая,
Калина моя,
Не водой тебя поутру

Поливала я!
Широкія рѣки-слезы
Тебя полили,—
Ихъ славою лукавою
Люди пронесли.

Осмѣяли подруженьки
Подругу свою,
Осмѣяли калинушку,
Красную мою!..
Покрой мою головушку,
Росою умой
И вѣтвями широкими
Отъ солнца закрой!
Люди сыщутъ, похоронятъ,
Да и осмѣютъ;
Твои вѣтви зеленыя
Дѣти оборвутъ!..

Рано утромъ на могилѣ
Птичка щебетала;
Подъ калиною дѣвица
Крѣпко почивала:
Утомилась молодая,
Навѣки заснула;
Вышло солнышко на небо.
На землю взглянуло.
Встали люди;—а старуха
Спать и не ложилась:
Все ждала съ погоста дочку,—
Плакала, крушилась!

1847.
Петербургъ. Крѣпость.

Три дороги.

Три дороги въ перекресткѣ
Вмѣстѣ всѣ сошлися;
По дорогамъ, мать покинувъ,
Братья разошлися.
Первый братъ жену оставилъ,
А второй—сестрицу;
Третій, младшій братъ, покинулъ
Красную дѣвицу.

Три ясеня посадила
Старуха сѣдая;
Посадила тополь въ полѣ
Женка молодая.

Посадила при долинѣ
Три дуба сестрица;
Посадила калинушку
Красная дѣвица.

Не принялись тополь, ясень
И расти не стали;
Три дубочка и калина
Засохли, завяли...

Не идутъ назадъ три брата,
Плачетъ мать сѣдая;
Плачетъ съ дѣтками своими
Женка молодая.

Поискать пошла сестрица
Братьевъ на чужбинѣ,
А дѣвица молодая
Сгинула въ кручинѣ.

Не идутъ назадъ три брата,—
По свѣту гуляютъ;
Три широкія дороги
Терномъ заростаютъ!..

1847.
Петербургъ. Крѣпость.

Н. И. Костомарову *).

Играя, спряталося солнце
Въ весенніхъ тучкахъ золотыхъ.
Гостей закованныхъ своихъ
Холоднымъ чаемъ напоили
И часовыхъ перемѣнили—
Синемундирныхъ часовыхъ.
Теперь къ дверямъ, на ключъ замкнутымъ,
Къ рѣшеткѣ частой, что въ окнѣ,
Привыкъ я; слава Богу,—мнѣ
Не жаль давно, давно прожитыхъ,
Давно схороненныхъ забытыхъ
Моихъ кровавыхъ, тяжкихъ слезъ;
А ихъ не мало разлилось
На полѣ жизни. Хоть бы травка,—
И той-то даже не взошло!..
И вспомнилъ я свое село,
Когда, кого оставилъ въ немъ,—
Родныхъ на кладбищѣ родномъ,—
И облилося сердце кровью,
Что вспомнить некому съ любовью
Меня на родинѣ. И вдругъ,—
Мой милый братъ, сердечный другъ,
Я вижу мать твоя прошла,

*) Н. И. Костомаровъ—историкъ, былъ арестованъ вмѣстѣ съ Шевченкомъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость въ 1847 г.

Какъ будто крестъ она несла,—
Я видѣлъ, бѣдная она,
Была измучена, больна!..
И палъ предъ Богомъ я съ мольбой,
Что эту жизни злую долю,
Мою тюрьму, мою неволю
Никто не раздѣлитъ со мной.

1847. 19. v.
Петербургъ. Крѣпость.

* * *

Не спалося; а ночь, какъ море...
Кругомъ лишь мракъ тюрьмы глухой,
И некому души больной
Повѣдать тягостнаго горя,—
Не говорить же со стѣной!?.
Не сплю я, жду лучей дневныхъ,
А за дверями про свое
Солдатское житье-бытье
Толкуютъ двое часовыхъ.

Первый.

— «... Ну, и красавица собой!
И меньше бѣлой не дарила.
А баринъ плохонькій такой!
Вотъ разъ насъ вмѣстѣ и застали;
Меня въ Калугу тотъ же часъ,
Да тамъ въ солдаты и отдали!
Вотъ, видишь, случай-то какой!

Второй.

А я... такъ страшно и подумать!..
Въ солдаты я охотой шелъ.
Да слушай вотъ:—въ своемъ селеньѣ
Невѣсту я себѣ нашелъ;

И мать ея—вдова-старуха
Была согласна дочь отдать.
Пошелъ я къ барину,—отвѣтилъ:
«Мала еще!»—Пришлося ждать!
Вотъ черезъ годъ опять пошелъ я,
Старуху-матку захватилъ:—
Опять отвѣтъ: «Коль хочетъ свадьбы,
Пятьсотъ, а меньше бъ не носилъ!»
Ахъ, бѣдный я! Что было дѣлать?
Гдѣ столько сразу денегъ взять?..
Пошелъ я, братецъ мой, работать,
Пошелъ я денегъ добывать!
И гдѣ я только ни работалъ?—
На Черноморьѣ, на Дону...
Раздобылся; купивъ подарковъ,
Шелъ, думу думая одну:—
Приду домой да и за свадьбу!
Пришелъ домой уже въ ночи,
Вошелъ въ знакомую избушку,—
Лежитъ старуха на печи,
А печь разваливаться стала;
Зажегъ огня я надъ больной,—
Она меня не узнавала:
Отъ старой пахло ужъ землей!
Я побѣжалъ къ попу скорѣе,
Чтобы старуху пріобщить,
Пришелъ съ попомъ, да поздно было:
Она велѣла долго жить!
И сталъ я спрашивать сосѣда:
«Гдѣ жъ дочь ея? Что жъ не идетъ?
— Ты развѣ, говоритъ, не знаешь,—
Она въ Сибири, вѣдь, живетъ!
Все съ нашимъ баричемъ гуляла;
Ребенка, слышь, съ нимъ прижила,
Да и въ колодцѣ утопила,
За то и сослана была!..»
Я ножъ схватилъ, изъ хаты вышелъ,
Не чуя подъ собой земли,—

Хотѣлъ покончить я съ поганцемъ,—
Его же въ Кіевъ увезли,—
Тамъ въ школѣ, видишь, онъ учился...
Такъ вотъ тебѣ судьба моя,—
Оставилъ мать свою и батьку
И продался въ солдаты я!
А и теперь бываетъ страшно,
Когда я вспомню о быломъ;—
Хотѣлъ себя лишить я жизни
И барскій домъ спалить огнемъ,
Да Богъ помиловалъ!.. А знаешь,
Его въ нашъ полкъ перевели
Изъ арміи?..

Первый.

— Такъ что же?
Ну, вотъ теперь и приколи!

Второй.

Нѣтъ; пусть! Господь поможетъ
Забыть. Не буду вспоминать!..

Они такъ долго говорили;
Я передъ свѣтомъ сталъ дремать,
Да барчуки мнѣ тутъ приснились
И не дали поганцы спать!..

1847.
Петербургъ. Крѣпость.

* * *

Сойдемся ли съ тобой мы снова?
Иль наши разошлись пути?
И довелось намъ правды слово
Въ вертепы, степи понести...
Пусть такъ!.. Хоть не Украйну-мать

Пришлося, братъ, намъ уважать,—
То воля Господа! Смириться
И Богу надо намъ молиться
И завѣщать одинъ другому
Украйну милую любить,
Любить ее во время люто,
И ей въ послѣднюю минуту
Добра у Господа просить!..

1847.
Петербургъ. Крѣпость.

Сонъ *).

Горы мои высокія!—
Да не такъ высоко
Поднялись, какъ хороши вы,
Сини изъ далека.
Съ Переяславля посмотришь,
Съ Выблаго кургана,—
Словно тучи надъ Днѣпромъ вы,
Въ пеленѣ тумана!..

Иду я медленной стопою,
Смотрю и вижу—предо мной,
Какъ будто чудо выплываетъ:
Сквозь тучи тихо выступаетъ
Зеленый лѣсъ, оврагъ крутой,
И хатки, въ зелени бѣлѣя,

*) Выбла-могила—очень высокій курганъ около Переяславля.
Трахтеміровъ — село Каневскаго уѣзда, какъ разъ противъ Переяславля; тутъ былъ славный казацкій монастырь „Монастырище", уничтоженный въ 1665 г.; послѣ того казацкимъ монастыремъ сталъ „Межигорскій Спасъ".
„Соборъ Мазепинъ"—подъ этимъ названіемъ Шевченко разумѣетъ „Вознесенскій Соборъ въ Переяславлѣ".

Какъ кучи дѣтокъ собрались;
А дальше—нашъ старой казакъ,
Широкой лентою синѣя,
Нашъ Днѣпръ свободно протекаетъ,
Луга волнами заливаетъ...
А тамъ далеко за Днѣпромъ
На горкѣ церковь чуть виднѣетъ,—
Казачья церковь то бѣлѣетъ
Съ давно погнувшимся крестомъ.

Много лѣтъ ужъ запорожца
Съ Сѣчи поджидаетъ
И съ Днѣпромъ о горѣ лютомъ
Тихо разсуждаетъ.
Стекла выцвѣли и смотрятъ,
Какъ мертвецъ очами;
Ждетъ той славы, что дружилась
Съ нами—съ казаками.
Можетъ, ждешь ты обновленья?
Да не жди той славы,—
У людей ее украли,
А панамъ лукавымъ,
Что за дѣло до великой
До казацкой славы!

Какъ будто старецъ пьяный—торбы,
Такъ Трахтемировъ разбросалъ
Свои избенки подъ горою...
А вонъ стоитъ Монастырище—
Когда-то славное село;
Но монастырь съ его казною
И Запорожье, и село
Панамъ въ забаву все пошло.
Все, все, несытые, забрали.
Зачѣмъ же, горы, вы отдали?
Дай Богъ мнѣ вѣкъ васъ не видать.
Я васъ могу лишь проклинать.
Такъ будьте прокляты!.. О, нѣтъ!—

Не вамъ проклятье, а гетманамъ,—
Усобникамъ, врагамъ поганымъ!..

Простите, горы, вы меня,
Высокія и голубыя;
Васъ лучше въ мірѣ нѣтъ, святыя!
Простите,—я же помолюсь...
Такъ крѣпко я ее люблю,
Мою несчастную страну,
Что все на свѣтѣ прокляну
И душу за нее сгублю...
Надъ Трахтемировымъ высоко
Стоитъ на горкѣ одиноко
Изба,—какъ будто бы она
Пришла топиться въ Днѣпръ широкій.
Украйна вся съ горы видна
И вся гетманщина кругомъ.
У хаты дѣдъ сѣдой сидитъ,
А солнце низко ужъ стоитъ,
Уже спустилось надъ Днѣпромъ.
Сидитъ, глядитъ старикъ, тихонько
Самъ разсуждаетъ онъ съ собой:
«Эхъ, люди глупые! Зачѣмъ вы
Бѣдой покрыли рай земной?
Гетманщина»...
И старое
Чело потемнѣло;
Что-то тяжкое, должно быть,
Вымолвить хотѣло,
Да смолчало...

«Блуждалъ я по́ свѣту не мало,
Носилъ и свиту и кафтанъ.
На что ужъ горе за Ураломъ
Киргизамъ тѣмъ. А все же тамъ
Жить, ей-Богу, много лучше,
Чѣмъ на Украинѣ;
Потому, знать, что киргизы,
Все не-христіане.

Натворилъ Ты, Христе, горя,
А переначилъ
Людей божыхъ?.. Катилися
Безъ ума казачьи
Наши головы за правду,
За Христову вѣру,
Упиваясь своей кровью
И чужой чрезъ мѣру.
Лучше ль стали? Гдѣ тамъ,—люди
Худшими лишь стали:
Безъ ножей, костровъ горящихъ
Братьевъ заковали,
Да и мучаютъ. Ой, паны,
Паны-христіане»...

Затихъ старикъ мой, убитый тоскою,
Поникъ печально, сѣдой головою.
Вечернее солнце лѣсокъ золотитъ,
Въ золотѣ поле и Днѣпръ нашъ горитъ.
Соборъ Мазепинъ сіяетъ, бѣлѣетъ,
Батьки Богдана могила чуть мрѣетъ.
Вербъ придорожныхъ вѣтви склонились,—
Могилы трехъ братьевъ ими закрылись.
Альта жъ и Трубачъ между собою
Сошлися-слились, какъ братъ съ сестрою...
И все это, все это радуетъ очи!
А сердце тоскуетъ и глянуть не хочетъ!..

Попрощалось ясно солнце
Съ черною землею,
Выступаетъ круглый мѣсяцъ
Съ сестрою—звѣздою.
Выступаетъ изъ-за тучи;
Тучи просвѣтлѣли.
Осмотрѣлся вокругъ старецъ,—
Слезы заблестѣли:
«Молюсь Тебѣ, Боже милый,
Господи Великій,

Что не далъ Ты мнѣ погибнуть,
Небесный Владыко!
Что далъ силу пересилить
Горе мое злое;
Что привелъ меня подъ старость
На мѣсто святое
Доживать свой вѣкъ печальный
И Тебя хвалити,
И Твоею красотою
Сердце веселити.
И зарыть больное сердце
Съ грѣхами людскими,
На горахъ высокихъ этихъ
И витать надъ ними!..»
Вытеръ слезы горячія,
Хоть не молодыя,
Вспомнилъ прошлые онъ годы,
Давніе, былые.
«Гдѣ, какъ, когда и что случилось;
То было наяву, иль снилось?
И гдѣ моря переплывалъ...
Лѣсокъ съ зелеными кудрями,
Молодка съ ясными очами
И мѣсяцъ съ звѣздами сіялъ,
И соловейко на калинѣ,
То щебеталъ, то затихалъ,—
Святого Бога восхвалялъ.
И все то, все то—въ Украинѣ!..»
И усмѣхнулся старый дѣдъ:
«Что было, то таить не слѣдъ;
Такое было, что любились,
Да разошлись, не поженились.
Пришлося одному страдать
И вѣкъ свой въ хатѣ доживать!»
И долго грустный онъ ходилъ.
Потомъ онъ Богу помолился
И спать пошелъ, а мѣсяцъ весь,
Какъ тѣнью, тучею покрылся.

Вотъ такой-то на чужбинѣ
Разъ мнѣ сонъ приснился;
Словно снова въ свѣтѣ Божьемъ
Вольнымъ я родился.
Дай же, Боже, хоть подъ старость,
Вѣкъ мой одинокій
На горахъ окончить этихъ
Въ хаткѣ бѣлобокой.
Дай измученное сердце,
Что убито горемъ,
Принести и положить мнѣ
На горахъ Днѣпровскихъ...

1847.
Орская крѣпость.

---

* * *

Друзья, припомните (дай Богъ
Тѣ годы къ намъ не возвращались!),
Какъ сквозь рѣшетки мы тогда
На Божій свѣтъ взглянуть старались,
Съ надеждой думали: когда,
Когда же вырвемся на волю?
Бесѣду тихо заведемъ
Про жизнь, про счастье и про долю...
Знать, ничему тому не быть,—
Намъ изъ Днѣпра воды не пить!
Въ лѣса дремучіе и степи
Свою недолю понесемъ,—
Недолго поживемъ надеждой,
Потомъ, какъ всѣ, мы заживемъ!..

А пока то будетъ, братцы,
Родину любите,
За Украину родную
Господа молите,

А что было—позабудьте
И не вспоминайте,
И меня порой въ неволѣ
Лютой вспоминайте!..

1847.
Орская крѣпость.

---

* * *

Въ неволѣ тяжко,—но и воли,
Сказать по правдѣ, я не зналъ;
Хоть на чужомъ, но все же полѣ
Кой-какъ я время короталъ.
О, какъ бы я теперь желалъ
Недоброй этой старой доли!..
И жду ее я, поджидаю,
Свой глупый разумъ проклинаю,
Что далъ себя я одурить
И въ лужѣ волю утопить!
И я боюсь, и страшно мнѣ!
Что я умру въ чужой странѣ,
Что не въ Украйнѣ буду жить,
Людей и Господа хвалить!..

1847.
Петербургъ. Крѣпость.

---

* * *

Солнце за горы садится; темнѣетъ;
Птички замолкли; поле нѣмѣетъ;
Люди, измучившись, крѣпко уснули.
Думы въ Украйну меня потянули.
Въ темномъ садочкѣ я думой витаю,

Сердцемъ измученнымъ въ немъ отдыхаю...
Вотъ потемнѣли поля и лѣса.
Въ небѣ зардѣлась зари полоса,—
Съ грустною думой гляжу на нее:
Видятъ ли тамъ, на Украйнѣ, ее?
Радостно ль зорьку на небѣ встрѣчаютъ?
Бѣднаго часто ль меня вспоминаютъ?
Знаю,—тамъ карія очи одни,—
Помнятъ меня иль забыли они?
Если не видятъ зари золотой,—
Значитъ, забытъ я въ Украйнѣ родной!..
Пусть же тѣ очи погаснутъ тогда,
Чтобъ имъ меня не видать никогда!..

1847.
Орская крѣпость.

———— o ————

* * *

Мнѣ снилось: снова я ребенокъ,
Пасу ягнятокъ за селомъ:
На небѣ солнышко сіяетъ,
Свѣтло и весело кругомъ.
И мнѣ такъ радостно, что словно
Не на землѣ я, а въ раю.
Давно позвали ужъ обѣдать,
А я въ бурьянѣ все стою,—
Невинной дѣтскою душою
Молюся Богу въ тишинѣ;
О чемъ молился я,—не знаю,
Но было радостно такъ мнѣ:
Лазурью небо отливало
И грѣло солнышко тепло,
Играли весело ягнята,
Смотрѣло весело село!..
Да недолго солнце грѣло,—
Вѣрилось, молилось,—

Все засохло, потемнѣло,—
Все перемѣнилось.
Я проснулся—удивился:
Гдѣ жъ село родное?
Гдѣ же солнце, гдѣ же небо
Ясно-голубое?
Поглядѣлъ я на ягнятокъ—
Не мои ягнята;
Сталъ искать родную хату—
Нѣтъ моей и хаты!
Ничего-то Богъ мнѣ не далъ!
Больно сердцу стало;
Я заплакалъ; а дѣвица
У дороги жала,
Подошла ко мнѣ и нѣжно,
Нѣжно приласкала.
Снова свѣтъ перемѣнился:
Солнце засіяло!
Посмотрѣлъ я—все родное,—
Садъ, и лѣсъ, и поле,
И вдвоемъ пасти ягнятокъ
Стали мы на волѣ!..
То бредъ и сонъ! Но только вспомню,
Я снова плачу, слезы лью:
Зачѣмъ Господь Богъ не дозволилъ
Дожить мнѣ вѣкъ свой въ томъ раю?
Пахалъ бы я родное поле
И больше ничего не зналъ;
Не слылъ бы въ свѣтѣ юродивымъ,
Людей бы я не проклиналъ!..

1847.
Орская крѣпость.

* * *

И самому чудно! Что жъ дѣлать?
Куда дѣваться, что начать?
Людей и долю проклинать
Я не могу. Такъ какъ же быть—
Въ чужой далекой сторонѣ
И одному? Что дѣлать мнѣ?
О, если бъ кандалы разбить
Иль перегрызть ихъ! Такъ не тѣ,
Не тѣ ихъ кузнецы ковали,
Не такъ желѣзо закаляли,
Чтобъ перегрызть... О, горе намъ,
Невольникамъ и сиротамъ,
Въ степи безкрайной за Ураломъ...

1847.
Орская крѣпость.

Платокъ.

То была ли Божья воля,
Иль ея такая доля?—
Сиротою вырастала,
Друга по сердцу сыскала,
Былъ и самъ онъ сиротою,
Подружившись съ молодою;
Вмѣстѣ ночи коротали,
«Покрова» лишь ожидали.
Дождались...

Въ Чигиринѣ,
И по всей-то Украинѣ
Звономъ войско созывали,
Чтобъ скорѣй коней сѣдлали,
Сабли острыя точили,

На гулянье выходили,—
На веселый пиръ кровавый,
Собирались въ путь за славой!..

Въ воскресенье рано-рано
Громко трубы затрубили.
Стройнымъ войскомъ запорожцы
На дорогу выходили.
Мать-вдова роднаго сына
Провожала въ путь далекій.
И прощался сиротина
Съ сиротинкой одинокой.
Коня во́рона дѣвица
У колодца напоила,
Сбрую вынесла и саблю
И далеко проводила;
Проводила за три поля,
Попрощалась при долинѣ
И дала платокъ свой другу,
Чтобы помнилъ на чужбинѣ...

Ой, платокъ мой, много, много,
Я трудилась надъ тобой!
Ради славы, другъ мой милый,
Имъ сѣдло коня покрой!..
Воротилась, горько плача:
Сиротой опять осталась!—
Все смотрѣла на дорогу,—
Друга сердца дожидалась.
Каждый праздникъ уходила
На курганъ она высокій,—
Дожидалась,—не вернется ль
Запорожецъ черноокій.

Годъ проходитъ незамѣтно;
Вслѣдъ за нимъ идетъ другой,
А на третій — запорожцы
Возвращаются домой.

Рать за ратью выступаетъ;—
Ихъ, бѣдняга, не считай!—
Ждетъ тебя за третьей ратью
Горе злое,—это знай.

Гробъ везутъ, китайкой крытый,
А за гробомъ тѣмъ идутъ
Старшина, полковникъ старый,
Эсаулы же несутъ,
Плача, ратные доспѣхи:
Вмѣстѣ съ саблей золотой
Пистолеты-самопалы,
Панцырь, кровью залитой.
И коня ведутъ. Уныло
Конь поникнулъ головой;
А сѣдло платкомъ покрыто,—
То подарокъ другу твой!..

1847.
Орская крѣпость.

А. О. Козачковскому *).

Давно то было—вспоминаю,—
Я у дьячка въ учебѣ былъ,
И какъ-то разъ пятакъ тихонько
Я у того дьячка стащилъ.
(Я былъ такъ бѣденъ и несчастенъ,—
Ходилъ босой и чуть не голъ!)

*) А. О. Козачковскій—врачъ Переяславской духовной семинаріи,—старый пріятель Шевченка. Къ нему Т. Г—чъ писалъ изъ ссылки: „Живу я, можно сказать, жизнью публичною, сирѣчь въ казармахъ. Муштруюсь ежедневно, хожу на караулъ и т. д. Одно слово солдатъ, да еще солдатъ какой,—просто пугало воронье".

Купилъ бумаги, книжку сдѣлалъ,
Листки рисуиками обвелъ,
«Сковороду», «Царей съ дарами»
Тайкомъ я въ книжечку писалъ
И плакалъ горькими слезами
Въ бурьянѣ, чтобъ никто не зналъ.
И вотъ опять пришлось таиться
Подъ старость съ музою своей,
Въ бурьянѣ прятаться и плакать,
Скрывая думы отъ людей.
За что жъ меня Господь караетъ?
Я въ школѣ мучился и росъ,
Сѣдѣть я въ школѣ начинаю,—
А научиться не пришлось!
Такъ неученымъ и схоронятъ.
Господь меня не возлюбилъ
За то, должно быть, что когда-то
Я у дьячка пятакъ стащилъ.

Такъ вотъ, видишь ли, мой голубь,
Какъ живу, страдаю,
Какъ я мучаюсь въ неволѣ,—
Вѣкъ свой доживаю.
Научи своихъ ты дѣтокъ,
Чтобъ писать боялись;
Научи, чтобъ съ малолѣтства
Съ музою не знались!
А ужъ если такъ случится,—
Надо покориться:
Пусть онъ пишетъ въ уголочкѣ,—
Отъ людей таится,
Такъ, чтобъ Богъ не зналъ, и ты самъ
Чтобъ про то не вѣдалъ,
Чтобъ подъ старость моей доли
Сынъ твой не извѣдалъ!

Какъ воръ, тайкомъ я за валами
Прокрадусь въ праздникъ, выйду въ поле,
И проберусь я по Уралу—
И выйду въ степь, вздохну на волѣ.

И забытое, больное
Сердце встрепенется,
Словно рыбка надъ водою...
Тихо усмѣхнется.
Полетитъ оно голубкой
По-надъ чужимъ полемъ,—
И я словно оживаю
На полѣ, на волѣ.
И на гору высокую
Выхожу, любуюсь,
Вспоминаю Украину,
Вспоминать боюся!
И тамъ степи, и тутъ степи,
Да тутъ не такія,—
Ржавы, ржавы, даже красны,
А тамъ—голубыя,
Перерѣзаны межами,
Нивами-полями,
Высокими могилами,
Темными лугами.
А тутъ бурьянъ да гладь степей,
И хоть бы на смѣхъ гдѣ могила
О давнемъ-давнемъ говорила...
Здѣсь будто не было людей!
Споконъ вѣковъ да и донынѣ
Никто и не жилъ въ той пустынѣ,
Но мы ее таки нашли
И крѣпости тамъ возвели,
А скоро будутъ и могилы:
У насъ на все хватаетъ силы!
О, моя доля, моя Украина,
Когда же я эту пустыню покину!..
Или можетъ (спаси Боже!)
Тутъ я и загину,
И тѣнь покроетъ родное поле...
«Ай-да! въ казармы! Ай-да въ неволю!»
Какъ будто крикнетъ кто надо мною,
И я опомнюсь... И за горою,

Какъ воръ, крадуся я за валами
Пустыней голой съ ея песками.
Такъ праздникъ Свѣтлый
Я здѣсь встрѣчаю;
Конца мученьямъ,
Мой другъ, не знаю!..
Наступитъ ночь въ смердячей хатѣ,
И думы грустныя придутъ,
Больное сердце и надежду
И все на свѣтѣ разобьютъ.
Задержутъ ночь,—часы годами,
Вѣками глухо потекутъ,
И я постелю омочу
Не разъ кровавыми слезами.
Не отчаянье въ неволѣ
Въ ночи слезы точитъ;—
Мой великій грѣхъ наружу
Вырваться все хочетъ,
Только жаль покинуть душу,
Съ нею жаль разстаться.
Страшно мнѣ, мой другъ душевный,
Смерти дожидаться!..
И я считаю дни и годы,—
Когда и гдѣ кого любилъ,—
И никого не нахожу я,—
Какъ будто по лѣсу бродилъ!
Была и воля, была и сила,
Да силу я взаймы отдалъ,
А воля въ гости все ходила,—
Тамъ напилась—и слѣдъ пропалъ!
Прошу я Бога, чтобъ разсвѣтало,
Какъ воли, солнца, свѣта жду.
Сверчокъ замолкнулъ, пробили «зорю»,
Я на позорище иду:
Сѣдого дурня учиться строю
И муштровать его ведутъ,
Чтобъ зналъ какъ волю держать въ почетѣ,
Чтобъ зналъ, что дурня повсюду бьютъ!..

Такъ день за днемъ идетъ, проходитъ,
Конца я края не дождусь.
Такъ жизнь пройдетъ, и такъ, быть можетъ,
И передъ Богомъ я явлюсь.
И доли я не проклинаю,
Творя молитву лишь свою:
«Не дай, о, Милостивый Боже,
Мнѣ умереть въ чужомъ краю!»
Проходятъ годы молодые;
Надежды нѣтъ. Кругомъ темно;
Какъ прежде, гнетъ тяжелый давитъ
И сердце муками полно.
А можетъ быть, дожить придется.—
Надежда въ душу мнѣ вернется,—
Я изъ Днѣпра воды напьюсь
И вновь съ тобою обнимусь,
Въ твоей уютной, тихой хатѣ,
Быть можетъ, снова появлюсь
И заведу съ тобой бесѣду...
Но вѣрить этому боюсь.
Все это сбудется ль когда?
Или придется съ того свѣта
Украйну видѣть? Для себя
Не жду желаннаго отвѣта.
Порою не хватаетъ слезъ,
Какъ смерти я тогда желаю!
Но грустно, что въ послѣдній мигъ
Украйны я не повидаю.
Надежда свѣтлая въ груди
И ты, и Днѣпръ въ родной отчизнѣ
Молить мнѣ Бога не даютъ
Конца бездольной, горькой жизни!..

1847
Орская крѣпость.

* * *

Привыкнетъ, говорятъ, собака за возомъ бѣжать, такъ бѣжитъ и за санями.

Такъ вотъ и я теперь пишу,—
Съ чернилами бумагу трачу;
А прежде (право не брешу!)
Такъ напишу, что самъ заплачу,
И хоть на мигъ перелечу
Я на Украйну мечтою;
Какъ будто сдѣлаю добро
И отдохну я тамъ душою.
Нельзя сказать, что не люблю,
Что я Украйну забываю,
Людей лукавыхъ проклинаю
За то, что я теперь терплю,—
Ей-Богу, братцы, все прощаю,
И взоры къ небу обращаю,
Чтобъ зломъ не помнили меня,—
Вѣдь худа вамъ не дѣлалъ я?!
Всю жизнь вѣдь я средь васъ скитался,—
Такъ, можетъ, слѣдъ какой остался?!

1847.
Орская крѣпость.

——— o ———

* * *

Начну-ка вновь стихи писать
(Тайкомъ, конечно!). Ну-ка, снова,
Пока заправлена основа,
Начну старье я лицевать...
То-есть,—какъ лучше бы сказать,
Чтобъ не соврать,—начну-ка снова
Людей и долю проклинать:

Людей за то, чтобы знали
И насъ уважали.
Долю,—чтобы не дремала
Да насъ охраняла.
А то вишь что натворила:
Бросила бѣдняжку,
На распутьи,—горя мало!—
И, вздыхая тяжко,
Поплелся онъ, сѣдоусый,
Но дитя душою,
По чужимъ скитаться людямъ
Съ горемъ да тоскою.
Очутился за Ураломъ,
Въ пустынѣ, въ неволѣ...
Какъ тебя не проклинать мнѣ,
Лукавая доля?
Нѣтъ,—тебѣ, моя ты доля,
Не пошлю проклятья;—
Буду, прячась за валами,
Пѣсни распѣвать я!
И въ тоскѣ ждать буду въ гости
Въ тяжкую неволю
Со сторонки Заднѣпровской
Тебя, мою долю...

1848.
Орская крѣпость.

---

* * *

Ой, взгляну ли, посмотрю ли
Я на степь, на поле,—
Неужели хоть подъ старость
Не дождусь я воли?
Я пошелъ бы на Украйну,
Къ хутору родному,—
Какъ бы мнѣ тамъ были рады,
Старику сѣдому!

Отдохнулъ бы тамъ немного,
Богу сталъ молиться,
Сталъ бы я... Да что и думать,—
Ничему не сбыться!
Безъ надежды и безъ воли
Какъ я вѣкъ пробьюся?
Научите, люди!—или
Я ума лишуся!..

1848.
Орская крѣпость.

——— o ———

* * *

Ну, что, подумаешь, слова,—
Слова и голосъ,—что такое?
А сердце, ихъ заслышавъ, бьется;
Самимъ, знать, Богомъ то дается—
И голосъ тотъ и тѣ слова
И въ міръ идутъ они...
Однажды
Не то, чтобъ очень я скучалъ,
А такъ на палубѣ стоялъ,
Смотрѣлъ на море. Изъ тумана,
Гляжу я, стала выплывать
Червонолицая Діана;
На круглолицую дѣвицу
Остался я смотрѣть; со мной
Землякъ-матросъ изъ Островной *)
На вахтѣ, какъ и я, стоялъ
И потихоньку напѣвалъ,
Чтобъ капитанъ не услыхалъ.
А онъ былъ строгъ, хоть и землякъ.
Матросъ же пѣлъ, какъ тотъ казакъ,

*) Островна,—село Оренбургской губ., заселенное переселившимися туда украинцами.

Что въ наймахъ выросъ сиротою,
Идетъ въ войска въ Москву служить.

Давно я слышалъ пѣсню ту,
Ее дивчина распѣвала...
И жалко мнѣ,—такъ жалко стало
Того бѣднягу, сироту,—

«Что онъ утомился,
Къ тыну привалился;
Люди идутъ, разсуждаютъ—
Видно, онъ напился?..»

И я заплакалъ горько, горько:
Мнѣ было жалко сироты.

Такъ что жъ теперь заплакалъ ты?
О чемъ, старикъ, грустишь въ неволѣ?
Что ты и самъ солдатомъ сталъ,—
Живешь безъ свѣта и безъ воли?
Что въ сердцѣ лучшаго, святого
Ужъ не осталось и слѣда;—
Оно отъ мукъ разорвалося...
Такъ вотъ какъ жить-то довелося
Тебѣ, голубчикъ!—Правда?—Да!..

1848.
На Аралѣ.

——— o ———

* * *

Когда бы встрѣтились мы снова,
Ты удивилась бы иль нѣтъ?
Какое бы сказала слово
Мнѣ на привѣтствіе въ отвѣтъ?
Смолчала бы и не узнала!—
А можетъ вспомнила бъ мелькомъ,

Что ты во снѣ меня видала...
Мнѣ стало бъ весело потомъ,—
Какъ будто молодость вернулась
И снова юность увидалъ,—
И сладко бъ сердце встрепенулось,—
Я зарыдалъ бы, зарыдалъ!..
И помолился, что съ тобою
Не во враждѣ разстался я,
Что залилось слезой-водою
Былое, доля ты моя!..

1848.
Косъ-Аралъ.

— с —

Пророкъ.

Какъ будто праведныхъ дѣтей,
Господь, любя своихъ людей,
Послалъ на землю имъ пророка —
Святому разуму учить,
Свою любовь благовѣстить...
И вотъ, какъ Днѣпръ, волной широкой
Его слова лились, текли
И въ сердце падали глубоко,
Огнемъ людскія души жгли.
Пророка люди всѣ признали,—
Свои грѣхи исповѣдали...
Потомъ же (родъ людской лукавый!)
Господнюю святую славу
Растлили, и чужимъ богамъ
Вновь закурили ониамъ,
И снова жертвы запалили!..
Пророка жъ... (Горе, горе вамъ!)
На стогнахъ камнями побили
И снова принялись гулять,

Святою кровью торговать!
Такъ вотъ за что Господь Великій
На нихъ, озлобленныхъ и дикихъ,
Оковы повелѣлъ ковать
И мрачныхъ тюрьмъ намуровать
И, вмѣсто кроткаго пророка,
Чтобъ Бога людъ не забывалъ,
Надъ ними править самовластно
Владыку грознаго послалъ.

1848.
Косъ-Аралъ.

———— o ————

* * *

Туманно небо, хмуры тучи,
И вдоль по берегу рѣки,
Какъ будто пьяные отъ вѣтра,
Качаясь, гнутся тростники...
О, Боже, долго ли здѣсь мнѣ
Сидѣть въ незапертой тюрьмѣ,
Здѣсь надъ пустыннымъ грустнымъ моремъ
Съ тоской тяжелою и горемъ?
Когда жъ конецъ? Трава степная,
Подъ вѣтромъ голову склоняя,
Молчитъ и гнется, какъ живая,
Не хочетъ правды мнѣ сказать,—
А больше отъ кого жъ узнать?..

1848.
Косъ-Аралъ.

———— o ————

* * *

Не для васъ я, люди-братья,
Пѣсни вольныя пою;
Не для славы выливаю
Въ пѣсняхъ душу я свою.
Для себя пою; душою
Съ пѣсней оживаю,
Легче гнетъ неволи тяжкой
Я переживаю.
Звуки пѣсенъ изъ Украйны,
Съ родины несутся,
Выливаясь на бумагу,
Плачутъ и смѣются,
И мою больную душу
Радуютъ какъ дѣти.
Хорошо, привольно жить мнѣ
Съ пѣснями на свѣтѣ!
Какъ отецъ, дѣтьми счастливый,
Я молю у Бога,
Чтобъ широкая для пѣсенъ
Пролегла дорога.
Чтобы пѣсни изъ неволи
Къ родинѣ слетали,—
Какъ имъ тяжко, какъ имъ больно
Людямъ разсказали.
Тамъ ихъ встрѣтятъ и привѣтятъ
Съ чистою душою:
Старецъ древній покачаетъ
Бѣлой головою;
Скажетъ мать: на горе дѣтокъ
Лучше бъ не родила!
Скажетъ красная дѣвица:
Я ихъ полюбила!..

1848.
Косъ-Аралъ.

* * *

Съ безталаннымъ сиротою
Я слюбилась, повѣнчалась;
Загубила вѣкъ дѣвичій:
Сиротой одна осталась!

Разлучили насъ по злобѣ,
Люди злые разлучили,—
Повезли его къ пріему
Да и лобъ ему забрили!

И солдаткой одинокой
Вѣкъ съ тѣхъ поръ я коротаю,—
По чужимъ людямъ скитаюсь,
Долю злую проклинаю!..

1848.
Косъ-Аралъ.

---

* * *

Родилася я въ палатахъ
И роскошныхъ и богатыхъ—
Счастлива была.

Какъ цвѣтокъ я наряжалась,
Въ шелкъ и бархатъ одѣвалась,—
Такъ росла, росла.

Вотъ и выросла на диво—
Черноброва и красива—
Бѣлая лицомъ.

Сироту я полюбила;
Мать родная не пустила
Повѣнчаться съ молодцомъ.

И осталась я въ палатахъ
И роскошныхъ и богатыхъ...
Зла судьба моя!

И безъ счастья и безъ доли,
Какъ былинка въ чистомъ полѣ,
Увядаю я.

Я живу съ тоской глубокой
И старѣюсь одинокой,
Проклиная мать.

Ты прости меня, родная,—
До могилы, вѣкъ страдая,
Буду проклинать!..

1848.
Косъ-Аралъ.

* * *

Ужъ какъ я ли муженька
Въ дорогу послала;
Отъ шинка да до шинка
Тропинку топтала.
Да къ кумѣ я заходила
Хлѣба взаймы взяти,—
Накормить дѣтей голодныхъ
Въ нетопленой хатѣ.
Накормивши дѣтокъ малыхъ,
Я ихъ спать поклала,
А сама пошла къ сосѣду,
Тамъ заночевала.
А изъ Крыма муженекъ
Еле ноги приволокъ:
Возы поломались,
Волы притомились,

Лишь съ кнутами чумаченьки
Къ дому воротились.
Мужъ, едва вошедши въ хату,
Ударилъ объ полы:
По-за печкой жмутся дѣти—
Голодны и голы.
«Гдѣ же, дѣти, ваша матка?»
Бѣдный, знать желаетъ.
«Тятя! тятя! наша матка
Все въ шинкѣ гуляетъ».

1848.
Надъ Араломъ.

* * *

Пойду, выйду на улицу,
Сяду возлѣ хаты,
Посмотрю я, какъ заводятъ
Хороводъ дивчаты.
Безъ моей голубки милой
Пѣсни не поются,
Безъ нея и въ хороводѣ
Игры не даются.
Знать свекровь мою голубку
Выйти не пускаетъ,
И сидитъ она, тоскуя,
Меня поджидаетъ.

1848.
Надъ Араломъ.

* * *

Туманъ, туманъ пеленою,—
Хорошо мнѣ жить съ роднею,
Еще лучше за горою
Съ подругою молодою.

Темнымъ лѣсомъ я пойду ли,
Тамъ подругу не найду ли?
Гдѣ ты? Гдѣ ты?—Отзывайся,
Да ко мнѣ ты приласкайся!

Будемъ часто мы встрѣчаться,
А потомъ пойдемъ вѣнчаться,—
Чтобъ про то не знала мать,
Гдѣ мы будемъ ночевать!

Мы слюбились, повѣнчались,
Дай Богъ вовсе бы не знались.
Лучше бъ жить мнѣ сиротою,
Чѣмъ страдать весь вѣкъ съ тобою!

1848.
Надъ Араломъ.

———— o ————

* * *

Во лѣсочекъ я ходила
По орѣхи;
Тамъ мельника полюбила
Для потѣхи.
Мельникъ мелетъ, подсѣваетъ,
Меня крѣпко обнимаетъ,—
Для потѣхи!

За грибами во лѣсочекъ
Шла я снова,
Тамъ портного полюбила
Молодого.
Онъ шубейку зашиваетъ,
Меня крѣпко обнимаетъ,—
Я ни слова!

Въ лѣсъ за хворостомъ ходила
Молодая,

Тамъ бондаря полюбила
Я, родная.
Бондарь ведра набиваетъ,
Меня крѣпко обнимаетъ
Онъ, лаская!

А коль хочешь вѣрно знать,
Моя мать,
Кого тебѣ прежде всѣхъ
Зятемъ звать,—
Всѣ на праздникъ придутъ сами,
Назовемъ ихъ всѣхъ зятьями,
Будемъ угощать!..

1848.
Надъ Араломъ.

———— o ————

* * *

Если бъ бусы мать дала,
На базаръ бы я пошла;
Много тамъ людей гуляетъ,
Громко музыка играетъ.
Наши дѣвицы съ парнями
Ходятъ парами, рядами.
Одинока я.

Пойду Богу помолюся,
Да и внаймы я наймуся,—
Буду денежки копить,
Чтобъ нарядъ себѣ купить.
Будетъ музыка играть,
А я буду танцовать.
Доля ты моя,—

Не дай Богъ мнѣ свѣковать,
Русу косу заплетать,

Брови дома износить,
Одинокой вѣкъ прожить!
Пока деньги накоплю я,—
Черны брови изношу я.
Охъ, несчастна я!..

1848.
Надъ Араломъ.

---

* * *

Изъ-за лѣсу солнце всходитъ
И за лѣсъ заходитъ;
По долинѣ темной ночью
Казакъ грустный ходитъ.
Ходитъ день, другой—все ждетъ онъ
Милую подругу;
Не проходитъ черноброва
По зелену лугу...
А изъ темнаго лѣсочка
Баринъ выѣзжаетъ;
На казака стаю борзыхъ
Псовъ онъ выпускаетъ.
Бѣлы руки ему вяжетъ,
Подъ замокъ сажаетъ,
А дѣвицу, обезчестивъ,
По міру пускаетъ.

1848.
Косъ-Аралъ.

---

* * *

Разскажи мнѣ, отчего ты
Почернѣло поле?
— Почернѣло я отъ крови,
Что лилась за волю.

Вкругъ мѣстечка Берестечка
На четыре мили
Меня славны запорожцы
Все собой покрыли.
Стаей вороны летаютъ,
Вьются надо мною,
Покрываютъ меня, поле,
Словно тьмой ночною;
Не казачье тѣло—только
Рвутъ они лишь очи...
Такъ за вашу волю стало
Я темнѣе ночи!..
Но я вновь травой одѣнусь,
Какъ весна вернется;
А изъ васъ никто ужъ больше
Воли не дождется.
Не вернуться вамъ на волю!..
Съ края и до края
Вы меня пройдете съ плугомъ,
Долю проклиная!

1848.
Косъ-Аралъ.

* * *

Ахъ, не вѣтеръ въ полѣ тополь
Клонитъ, нагибаетъ,—
То дѣвица-горемыка
Долю проклинаетъ...

— Лучше бъ, доля, въ синемъ морѣ
Тебѣ утопиться,
Что ни съ кѣмъ ты не даешь мнѣ
По любви сойтиться!

Всѣ-то, всѣ мои подружки
Съ парнями гуляютъ;

Хорошо ль имъ, что цѣлуютъ,
Что ихъ обнимаютъ,

Никогда того не знать мнѣ!..
Тяжело, родная,—
Съ кѣмъ сойтиться, полюбиться
Цѣлый вѣкъ не зная!..

1848.
Косъ-Аралъ.

———— o ————

* * *

Въ воскресенiе раненько,
Только зорька занялась,
Я младешенька - младенька
Въ путь - дорогу собралась.
Побѣжала я, младенька,
Чтобъ про то не знала мать,
Молодого чумаченька
Издалека повстрѣчать.

Повстрѣчала,—его волы
Идутъ сиротами,
А младого чумаченька
Нѣтъ межъ чумаками!..
Ой, копали ему яму
Средь степи широкой,
Положили и накрыли
Насыпью высокой.
И оставили могилу
Въ степи сиротою...
А я его такъ любила
Сердцемъ и душою!..

1848.
Косъ-Аралъ.

———— o ————

И снова почта изъ Украйны
Мнѣ ничего не привезла!
Въ пустынѣ грозный Богъ караетъ
Меня за грѣшныя дѣла.
За что меня Господь караетъ,
Я не пытаюся узнать;
Но сердце горько, горько плачетъ,
Когда начну я вспоминать
О томъ, что прожито когда-то
Въ Украйнѣ милой и родной
Въ тѣ годы юности печальной,
Что пронеслися надо мной!
А было время,—дружбѣ вѣчной
Клялись друзья не измѣнить;
Забылось все, какъ на чужбинѣ
Мнѣ одному пришлося жить.
Мы разошлися такъ спокойно,
Безъ сожалѣній и безъ слезъ;
И вотъ какъ мнѣ подъ старость вспомнить
Своихъ друзей теперь пришлось!..
Нѣтъ, нѣтъ!—Не хуже люди стали,—
Должно быть, умерли они,
А то хоть на клочкѣ бъ прислали
Мнѣ вѣсточку.....

Я отъ той печали лютой,
Отъ тоски ли той глубокой,
Чтобъ не видѣть, какъ читаютъ
Письма съ родины далекой,—
Одинокій, безпріютный
Я у моря погуляю,
На Украйну родную
Думой вольною слетаю.
Запою я,—мнѣ и людямъ
Пѣсня радостью повѣетъ;
Пѣсня правду скажетъ; горе
По надъ-бережью развѣетъ!..

1848.
Косъ-Аралъ.

* * *

Сижу въ неволѣ одинокій
И слова некому сказать;
Ищу кругомъ съ тоской глубокой
Того, кто бъ могъ меня понять.

Найти стараюсь правду въ людяхъ,
Подобье Бога отыскать,—
А нахожу лишь то я въ мірѣ,
Что, право, стыдно и сказать!..
Такъ вотъ что сдѣлала, лукаво
Жизнь посмѣявшись надо мной.
И грустно молодости годы
Прошли подъ тучей грозовой
Въ борьбѣ съ судьбою. Добрымъ словомъ
Нельзя, что было помянуть;
А все же хочется повѣдать,
Что на душѣ, кому-нибудь.
Душа хоть слова ласки проситъ,—
И нѣтъ надежды,—все обманъ!
Такъ неостывшій трупъ заноситъ
Въ степи бушующій буранъ!..

1848.
Косъ-Аралъ.

* * *

Тучу бѣлую закрыла *)
Туча грозовая;
И татаръ и турокъ съ моря
Рать идетъ большая.

*) Гетманъ Поповичъ, или Попенко—Иванъ Самойловичъ (1672—1687 г.). Ромоданъ—кн. Григорій Ромодановскій, начальникъ Московскаго войска. Святый Ростовскій—Дмитрій Туптало, митрополитъ Ростовскій. Ярополенъ—село Волоколамскаго уѣзда близъ Москвы, гдѣ въ настоящее время находится могила Дорошенка.

Изъ Полѣсья шляхта лѣзетъ,
Гетманъ же «поповичъ»
Съ береговъ идетъ Днѣпровскихъ—
Глупый Самойловичъ
Съ Ромодановскимъ. Какъ галки,
По всей Украинѣ
Разлетѣлись—и клюютъ все;
А ты, Чигирине,
А ты, славный запорожецъ,
Дорошенко старый,
Заболѣлъ ли, иль боишься
Съ удалью бывалой
На врага встать?
—«Не боюся,—
Родины лишь только
Жалко мнѣ!» и какъ ребенокъ
Онъ заплакалъ горько:

«Не разсѣемъ вражью силу,
Какъ въ былые годы!
Отберите жъ отъ меня вы
Гетмана клейноды.
Отнесите вы въ Москву ихъ,—
Пусть клейноды эти
Скажутъ всѣмъ, что Дорошенка
Нѣтъ въ живыхъ на свѣтѣ.
Самъ же, братцы-запорожцы,—
Я надѣну рясу
И пойду я бить поклоны
Въ Межигорье къ Спасу»...

Рано, рано звонъ раздался,
Пушки грохотали,
Какъ двѣ лавы,—заднѣпровцы
Съ москалями встали
На семь верстъ въ длину,—межъ ними
Понесли клейноды.
Пить тебѣ, Петру, довольно
Изъ Тясмина воду.

Самойловичу клейноды
Въ ноги положили;
Дорошенка жъ въ Межигорье
Къ Спасу не пустили.
Не пустили Дорошенка—
И въ рясѣ узнали,
И въ оковы заковали,
Въ Сосницу сослали;
А оттуда въ Ярополецъ,
Чтобы вѣкъ безславный
Доживалъ тамъ. Вотъ какъ кончилъ
Запорожецъ славный...

Освѣтило ярко солнце
Чигиринъ нашъ старый,
И пошли въ свои улусы
Съ турками татары.
Поляки съ своимъ Чарнецкимъ,
Съ поганымъ Степаномъ
Запалили церковь Божью
И кости Богдана.
Тимошевы въ Субботовѣ
Тожъ огню предали.
Все покончили и въ Польшу
Собираться стали...
Москали съ Ромодановскимъ
Въ воскресенье рано
Потянулись съ поповичемъ
«Шляхомъ Ромодана».
Какъ запуганный, безкрылый
Тотъ орелъ безъ воли,
Занедужилъ Дорошенко,
Сидючи въ неволѣ,
Да и умеръ. Такъ оковы
Его доканали.
И въ Украйнѣ позабыли,
Славнымъ кого звали.

Только ты, святой Ростовскій,
Вѣрнымъ лишь остался,
Вспомнилъ друга и часовню
Тамъ, гдѣ онъ скончался,
Повелѣлъ соорудить ты,
Чтобы не забыли;—
По гетманѣ панихиду
По Петру служили...
И до сихъ поръ память чтится,—
Люди вспоминаютъ
Дорошенка—панихиды
Каждый годъ справляютъ
Въ Яропольцѣ.

1848.
Надъ Араломъ.

———— ○ ————

* * *

Какъ будто степью чумаки
Версту проходятъ за верстою,—
Такъ жизни дни мои идутъ,—
И горя мало мнѣ!.. Мечтою
Живу—и книжки сочиняю,
И въ нихъ стихами забавляю
Сѣдую голову свою,
И цѣпи на себя кую...
А какъ про это да узнаютъ,—
О томъ по мѣсту донесутъ?
Такъ что жъ?—пускай хоть разопнутъ:
Два года я тайкомъ пишу
И въ третій годъ не усижу!

1849.
Косъ-Аралъ.

———— ○ ————

* * *

Словно гуси прокричали
Цѣлою станицей,—
Пронеслась худая слава
Про одну вдовицу.

Пронеслась худая слава,—
Люди все узнали,—
Будто часто ко вдовицѣ
Казаки ѣзжали;

Пили съ ней вино и пиво,
Ночи пировали
И въ одной свѣтлицѣ съ нею
Вмѣстѣ ночевали.

И не даромъ эта слава
Про вдову сложилась:
Черезъ годъ вдова-молодка
Сыномъ разрѣшилась!

Мать растила мальчугана,
Грамотѣ учила,
А потомъ коня лихого
Молодцу купила.

И сѣдельце боевое
Вышила шелками,
И кафтанъ сынку расшила
Красный галунами.

На коня сажала сына,
По селу водила;
«Полюбуйтесь, подивуйтесь!»
Людямъ говорила.

И на службу въ войско сына
Отдала вдовица,
А сама ушла и стала
Въ Кіевѣ черницей.

1849.
Косъ-Аралъ.

* * *

Всѣ дороги на Украйну
Заросли терномъ;
Можетъ быть, навѣкъ покинулъ
Я свой отчій домъ.
Можетъ быть, мнѣ Украины
Не видать родной!..
Жить мнѣ съ думами своими
Бѣднымъ сиротой...
Боже добрый! Боже милый!
Какъ мнѣ тяжко жить:
Въ головѣ роятся думы,—
Съ кѣмъ ихъ подѣлить?
Не далъ Ты мнѣ, Боже, доли—
Не далъ никакой,
И безъ доли, и безъ счастья
Вѣкъ проходитъ мой!
Не пришлось мнѣ чувства сердца
Раздѣлить съ другимъ—
Съ сердцемъ дѣвичьимъ—горячимъ,
Съ сердцемъ молодымъ.
И прошелъ въ тоскѣ-кручинѣ
Вѣкъ мой молодой;
Счастья, радости не зналъ я
Въ сторонѣ чужой!..
Одинокъ я въ Божьемъ мірѣ
И людьми забытъ;—
А вѣдь думы не уснули,
Сердце вѣдь не спитъ!
Тяжело въ горячемъ сердцѣ
Думы тѣ носить
И не знать, кому повѣдать,
Съ кѣмъ ихъ раздѣлить?
Такъ и кончить жизнь земную
И навѣкъ заснуть...
Какъ мученецъ, какъ труденъ
Мой тернистый путь!..

Боже правый! Хоть предъ смертью
Ты взглянуть мнѣ дай
На любимый всей душою
Мой родимый край!..

1849.
Косъ-Аралъ.

* * *

Я гуляю ли, молюсь ли,
Въ полѣ работаю ль,—
Все про милаго дружочка
Думаю, гадаю.
Какъ глупа я, что ждала все,
Долго дожидалась:
Что пришлетъ онъ сваху сватать,
Да и не дождалась:
Обманулъ меня мой милый—
Сердце мое знало;
Сердце знало, только мнѣ-то
Слова не сказало.
Если бъ сердце мнѣ сказало,
Я бы не любила,
И къ нему въ лѣсочекъ темный
Я бъ не выходила.
А то вечеромъ и утромъ,
Каждый день видалась;
Доходилась до того, что
Дѣвицей осталась!
Тяжело мнѣ съ маткой старой
Дома оставаться;
Тяжелѣе мнѣ бездольной
По людямъ шататься!..
И до сихъ поръ—работаю ль,
Или такъ гуляю,—
Про него моя все дума...

И сама не знаю,
Зачѣмъ думаю, зачѣмъ я
Во лѣсокъ ходила,
И за что его такъ долго,
Горячо любила?..

1849.
Косъ-Аралъ.

---

* * *

Порой и старику сѣдому
На сердце радость западетъ—
И снова онъ помолодѣетъ,
И снова пѣсню запоетъ.
И станетъ жизнь ему милѣе,—
Свѣтло и ясно впереди;
Надежда ангеломъ безгрѣшнымъ
Забьется радостно въ груди...
Чему жъ онъ радъ? Что оживило
Его измученную грудь?—
Добро задумалъ старый сдѣлать,
Въ бѣдѣ помочь кому-нибудь!..
Да, хорошо тому, чье сердце
Не разучилося любить;
Не въ тяжесть въ Божьемъ вольномъ мірѣ
И старику сѣдому жить.
Не разъ онъ, жизнь благословляя,
Цвѣткомъ весеннимъ расцвѣтетъ...
Такъ, если въ яму хоть случайно
Лучъ солнца яснаго скользнетъ,—
И дно глубокой, темной ямы
Зеленой травкой поростетъ!..

1849.
Косъ-Аралъ.

---

* * *

Ужъ не начать ли мнѣ посланье
Къ себѣ и самому писать,
И все, что нужно и не нужно,
Въ посланьи этомъ разсказать?
А то по правдѣ кто напишетъ,
Любовью къ истинѣ горя?
А вотъ ужъ годъ идетъ десятый,
Какъ людямъ далъ я «Кобзаря».
У всѣхъ какъ будто ротъ замазанъ,
Никто и звука не издастъ,
Какъ будто нѣтъ меня на свѣтѣ!
Не похвалы я жду отъ васъ,—
И безъ похвалъ я обойдуся,—
Мнѣ нуженъ добрый лишь совѣтъ;
Должно быть, безъ него придется
Мнѣ умереть,—покинуть свѣтъ!
А, мой Боже, какъ хотѣлось мнѣ
Чтобъ слово кто-нибудь сказалъ,—
За что люблю я Украину
И для кого всю жизнь писалъ?
Такъ и состарѣюсь я съ думой:
Что дѣлаю,—не знаю самъ;
Пишу лишь для того, чтобъ время
Не тратить такъ, по пустякамъ.
А иногда казакъ усатый
Приснится грѣшному во снѣ,—
Съ своею волей удалою
На черномъ ворономъ конѣ...
А больше ничего не знаю,
Хотя за то и пропадаю
Теперь въ далекой сторонѣ.
Должно быть, такъ ужъ жизнь сложилась?
А можетъ, Богу не молилась,
Меня носивши, мать моя?..
Какъ будто лютая змѣя
Въ степи подъ солнцемъ издыхаетъ,

Людской растоптана ногой,—
Такъ больно грудь моя страдаетъ,
И проситъ, ждетъ и умоляетъ
Покоя лишь въ землѣ сырой!..
За что все это,—я не знаю;
Но все-таки ее люблю—
Мою Украину родную,—
И Бога за нее молю;
Хотя я въ ней и одинокій
(Подруги тамъ я не нашелъ),
И до погибели дошелъ...
Эхъ, другъ мой милый, не печалься;—
Себя терпѣніемъ окуй,
Усердно Богу помолися,
А на толпу людей наплюй!..

1849.
Косъ-Аралъ.

---

* * *

И золотой, и дорогой,
Сказать по правдѣ вамъ, не жаль
Мнѣ прошлой воли молодой;
А иногда таки печаль
Такъ сдавитъ душу, что порою
Зальюсь я горькою слезой,
Когда въ селѣ увижу хлопца;
Забитый, блѣдный и худой,
Какъ листъ, оторванный отъ вѣтки,
Подъ тыномъ, бѣдный, онъ сидитъ,
И кафтанишка—рваный, рваный—
На плечахъ худенькихъ виситъ...
И думаю,—вотъ это—я,
Вотъ это—молодость моя!..
О немъ я думаю: онъ воли
Ужъ не дождется никогда:

Промчатся годы молодые,
Жизнь пронесется безъ слѣда;
На вольномъ и широкомъ свѣтѣ
Себѣ пріюта не найдетъ;
Чтобъ гдѣ-нибудь да пріютиться,—
Въ солдаты, бѣдный, попадетъ.

1849.
Косъ-Аралъ.

---

* * *

Мы вмѣстѣ съ ней дѣтьми росли
И подъ одною кровлей жили;
Любуясь матери на насъ
«Женихъ съ невѣстой!»—говорили.
Но не сбылися ихъ слова:
О чемъ мечтали—не дождались!
Похоронивши стариковъ,
Мы разошлись и не встрѣчались.
Меня по волѣ и неволѣ
Носило всюду; принесло
Подъ старость къ хутору родному,
Въ родное, милое село.
И показалось мнѣ сѣдому,
Что измѣнилося оно,—
Какъ я,—старо, убого стало
И неприглядно и темно!
Мнѣ показалось такъ,—все то же
Село родное, какъ было:
Въ немъ ничего не измѣнилось,—
Не выросло и не сгнило.
Все тотъ же лѣсъ, все то же поле,
Колодезь тотъ же все стоитъ,
И верба, будто въ злой неволѣ,
Надъ нимъ склонилась и груститъ...
Прудокъ и мостикъ. Изъ-за лѣса
Все та же мельница глядитъ

И дубъ зеленый подъ горою,
Какъ молодой казакъ, стоитъ.
На горкѣ садикъ, а въ садочкѣ
Подъ вишней бѣлой, въ холодочкѣ,
Какъ будто бы въ раю,—лежатъ
Отецъ и мать и крѣпко спятъ.
Кресты съ могилокъ ихъ упали
И надписи на нихъ слиняли:
Быть можетъ, смыло ихъ дождемъ,
Иль время стерло!.. Мирнымъ сномъ
Пусть спятъ родные...
— Ты не знаешь,
Жива Оксаночка?—пытаю
У брата тихо я.
— Какая?
— А вотъ, что съ нами-то жила,
Такая бойкая была?
— Но что жъ ты слезы утираешь?
— Я ничего...
— Ну, братъ, сбѣжала
Твоя Оксаночка въ походъ
Съ солдатами, и тамъ пропала.
Вернулась, правда, черезъ годъ,
Да не одна,—вдвоемъ съ дитею
Она вернулась, братецъ, къ намъ;
Бродить все стала по ночамъ;
Бывало, ходитъ, распѣваетъ,
Иль въ косы что-нибудь вплетаетъ,
Иль сядетъ, у плетня сидитъ,
Кукушкой громко такъ кричитъ...
Потомъ куда-то вновь дѣвалась—
И не видали, какъ ушла.
А что за дѣвица была—
Ну, просто краля! Жалко,—бѣдной
Господь, знать, счастія не далъ!
А можетъ, далъ, да кто укралъ?

1849.
Косъ-Аралъ.

———— o ————

* * *

Подъ старость-то и мы похожи
Хоть капельку на образъ Божій,—
Конечно, что не всѣ... а такъ—
Кой-кто...

Крутой оврагъ,
Чернѣясь мрачно въ чистомъ полѣ,
Какъ будто бы цыганъ лежитъ,
Спитъ мертвымъ сномъ или усталый,—

А по долинѣ на раздольѣ
По степи перекати-поле,
Рѣзвясь, ягненочкомъ бѣжитъ
Воды напиться къ рѣчкѣ малой,
А рѣчка-то его взяла,
Да въ Днѣпръ широкій отнесла;
Днѣпромъ его умчало въ море,
Въ чужую сторону, на горе...

Жалко, жалко мнѣ бѣдняжку,
Жалко сиротину!
И пойду я закручинясь,
Выйду на долину.
Тихо шепчетъ лѣсъ зеленый
Молодой листвою...
О, какъ хочется великій
Міръ объять душою!
Какъ хочется, Боже милый,
Жить на вольной волѣ,
И служить Твоей лишь правдѣ,
И Твоей лишь волѣ...
Хорошо тебѣ, мой друже,
Не пойдешь къ сосѣду:
У тебя своя есть хата,—
Заведешь бесѣду
Въ ней хоть съ малымъ, неразумнымъ,
Но и онъ, вѣдь, знаетъ

Твои думы. Чистымъ сердцемъ
Богъ самъ управляетъ.
Я живу здѣсь на чужбинѣ
Грустный, одинокій,
И съ тоскою вспоминаю
Край родной, далекій.
Кто съ тобой заговоритъ здѣсь
Съ бѣднымъ, безталаннымъ?—
Вкругъ лежитъ одна пустыня
Трупомъ бездыханнымъ!..

1849.
Косъ-Аралъ.

* * *

Считаю дни, считаю ночи, *)
И счетъ забываю.
Боже, до чего въ неволѣ
Тяжко я страдаю!
Годы идутъ за годами,—
Проплываютъ тихо;
Забираютъ все съ собою—
И добро и лихо.
Забираютъ, исчезаютъ
Въ невозвратной дали...
Не моли вернуть,—молитвы бъ
Даромъ прозвучали.

*) Это стихотвореніе во всѣхъ изданіяхъ „Кобзаря“ до 1906 г. появлялось въ двухъ редакціяхъ. Первая часть до словъ: „И четвертый годъ проходитъ“, взята съ позднѣйшей редакціи (1858 г.), а дальше все—изъ болѣе ранней (1847 г.) изъ „захалявной“ книжечки (халява—голенище сапога), въ которую Шевченко вписывалъ тайкомъ стихи, когда въ ссылкѣ ему было запрещено писать и имѣть при себѣ письменныя принадлежности. Такихъ „захалявныхъ“ книжечекъ сохранилось до сего времени 4; онѣ хранятся у В. П. Науменко, редактора „Кіевской Старины“.

Въ болотахъ топкихъ да въ бурьянѣ
Три года грустно протекли;
Изъ хаты многое забрали,
Украдкой въ море отнесли,
Украдкой схоронило море
Мое—не злато-серебро,—
Мои лѣта, мое добро,
Мою тоску, мои печали,—
Все, что въ незримыя скрижали
Внесло незримое перо...

Годъ четвертый на исходѣ,
Какъ живу, страдаю,
И четвертую въ неволѣ
Книжечку кончаю;
Расписалъ я въ ней узоры
Кровью да слезами;
Мое горе на чужбинѣ
Вылилъ,—но словами
Разсказать кому, не знаю,—
Здѣсь людей не много,
Нѣтъ кругомъ людей и даже
Не найдешь и Бога!
Не съ кѣмъ слова перемолвить,
Степь кругомъ нѣмая.
Жить не хочется на свѣтѣ,
А живешь, страдая!
Для чего жъ живу на свѣтѣ?
Не сгубить бы душу?
Жить для этого не стану—
И умру—не струшу.
Нѣтъ, затѣмъ живу я въ мукахъ
И ношу оковы,
Что, быть можетъ, Украину
Я увижу снова;
Можетъ быть, я подѣлюся
Думами-слезами
И съ дубровою зеленой,

Съ темными лугами.
У меня родныхъ ужъ нѣту
По всей Украинѣ,—
Все же тамъ другіе люди,
Чѣмъ здѣсь на чужбинѣ.
Надъ Днѣпромъ я погулялъ бы,
Да въ веселыхъ селахъ
Выливалъ бы свои думы
Въ пѣсняхъ невеселыхъ.
Дай дожить, дай насмотрѣться,
Боже Ты мой милый,
На поля мои родныя
Да на тѣ могилы!
А не дашь, то передай хоть
Милой Украинѣ
Мои слезы. За нее я
Сгибну на чужбинѣ.
Все жъ лежать мнѣ легче будетъ
Одному въ неволѣ,
Если кто меня вспомянетъ
На родимомъ полѣ.
Сдѣлай такъ, иль хоть надежду
Дай душѣ унылой.
Ничего не въ силахъ сдѣлать
Я, мой Боже милый!
Замираетъ сердце,—только
Вспомню я съ тоскою,
Что въ неволѣ, на чужбинѣ
Я глаза закрою,
Что со мною мои думы
Въ землю закопаютъ
И про нихъ на Украинѣ
Люди не узнаютъ...

Но думы, можетъ быть, съ годами,
Омыты горькими слезами,
На Украину попадутъ,
Росою на землю падутъ,

И сердце чье-нибудь живое
Омоютъ тихою слезой;
Оно со мною затоскуетъ,
Заплачетъ, бѣдное, со мной
И, можетъ быть, въ молитвѣ тихой
Меня помянетъ, Боже мой!..

И пусть же будетъ то, что будетъ.
Не перестану я писать,
Хотя бъ за это присудили
Меня распятію предать.

1850.
Оренбургъ.

---

* * *

Когда бъ вы знали, господа,
Какъ у людей царитъ бѣда,
То вы бъ элегій не творили,
Напрасно бъ Бога не хвалили,
На наши слезы смѣючись...
За что, не знаю, называютъ
Въ лѣсу шалашъ иль хату раемъ?
Я въ хатѣ мучился и росъ,—
Тамъ много слезъ пролить пришлось,
Тѣхъ первыхъ слезъ.—И я не знаю,
Иль есть еще у Бога зло,
Чтобъ въ этой хатѣ не жило?
А хату раемъ называютъ!

Я такъ ее не назову;
Никакъ я рая не найду
Въ той бѣдной хатѣ у пруда,
Гдѣ я родился. Повила
Меня родная; повивая
И въ пѣснѣ горе изливая,

Въ меня влила тоску свою.
И въ этой хатѣ, въ томъ раю,
Я видѣлъ адъ: нужда, неволя,
Работа тяжкая, недоля
И помолиться не даютъ.
Тамъ мать родимую мою
Взяла безвременно могила,—
Нужда съ работой уложила...
Съ малютками остался съ нами
Отецъ нашъ, бѣдный человѣкъ;
Не вынесъ онъ тяжелой доли,—
На барщинѣ, свой кончилъ вѣкъ.
Мы разползлись, какъ мышенята,
Пустой осталась наша хата.
Я въ школу отданъ былъ и тамъ
Носилъ я воду школярамъ.
А братья барщину справляли,
Пока въ солдаты ихъ не сдали.
А сестры, сестры! Молодыя
Мои голубки!.. Горе вамъ!
Какой надеждой вы живете?
Росли вы по чужимъ дворамъ,
Въ работницахъ, то здѣсь, то тамъ,
Состарѣвшись, такъ и умрете.
И страшно мнѣ, какъ только вспомню
Я нашу хатку, край села...
Такъ вотъ, Господь Ты нашъ, какія
Творимъ мы здѣсь, въ раю, дѣла!
Здѣсь на землѣ Твоей святой
Въ адъ превратили рай земной!
Теперь небеснаго желаемъ.
А сами съ братьями живемъ,
И поле братьями оремъ
И ихъ слезами поливаемъ,
Еще, быть можетъ, что... Не знаю...

. . . . . .

. . . . . А тамъ
Лѣсокъ на горкѣ зеленѣетъ,

А изъ-за лѣса чуть видиѣетъ
Прудокъ, бѣлѣя полотномъ,
И вербы тихо надъ прудомъ
Склонили вѣтви,—раї кругомъ!
А хорошенько посмотри,
Что тамъ творится,—тамъ, внутри?..
. . . . . .
Увы, я ничему живому
Хвалы не буду воздавать,
А съ кровью сердца и съ слезами
Хулу я буду изливать.
Ху..а всему! Кругомъ найдется ль
Хоть пядь одна святої земли?
Сдается мнѣ, и все святое
Давно ужъ люди прокляли!..

1850.
Оренбургъ.

---

* * *

Бываетъ, въ неволѣ порої вспоминаю
Я прошлое время; ищу—и не знаю,
Чѣмъ вспомнить былое, что я-таки жилъ,
Что я-таки Бога когда-то хвалилъ!
Ищу, все ищу я, о, Боже мої милыї,
И хочется вспомнить, что дорого, мило;
Встрѣчаю же только лишь погань и грязь.
И такъ вотъ, однажды, уснулъ, не молясь,
И сонъ мнѣ въ то время приснился такої.
(Извѣстно, коль легъ и уснулъ ты свиньеї—
И сонъ такої видишь): ребенокъ безпечныї,
Ягнятокъ пасу я въ степи безконечної
У края разрытої могилы; казакъ
Выходитъ, гляжу, изъ могилы; бѣднякъ,
Уже посѣдѣвшиї въ ея глубинѣ,
И держитъ своі путь изъ могилы ко мнѣ.

Я слова сказать отъ испуга не могъ,
Свернулся я, словно подъ тыномъ щенокъ.
Казакъ меня за руку тихо беретъ
И прямо въ могилу съ собою ведетъ,
И черная, страшная эта могила
Широко предъ нами объятья раскрыла.
Гляжу я: въ могилѣ лежатъ казаки—
Одинъ безголовый, другой безъ руки;
Иные безъ ногъ по колѣна лежатъ,—
Какъ въ теплой избушкѣ спокойно всѣ спятъ.
«Смотри же, дитя,—это все казаки!
Могилъ такихъ много въ Украйнѣ стоитъ
И много въ нихъ труповъ казацкихъ лежитъ,
Какъ будто спеленатыхъ... Старшихъ тутъ нѣтъ;
Мы всѣ одинаково жили на волѣ,
За волю мы всѣ полегли въ чистомъ полѣ
И всѣ мы проснемся,—но кто дастъ отвѣтъ,
Когда это будетъ? Смотри же, мой свѣтъ,
Смотри хорошенько, а я разскажу,
За что Украина подавлена силой,
За что я межъ ними въ могилѣ лежу.
Ты людямъ разскажешь, какъ вырастешь, милый,
Такъ слушай же, слушай»...
И снова ягнята
Приснились во ржи мнѣ. Бурмистръ прибѣжалъ
И началъ меня колотить, какъ проклятый;
Чужой армячишко мой съ плечъ онъ сдиралъ;
Мнѣ все еще больно... А какъ вспоминаю
Казака въ могилѣ,—до сихъ поръ не знаю,
То было ли въявѣ иль призракъ? Казакъ
Разсказъ свой мнѣ передалъ такъ:

«Не знаю, какъ теперь живетъ
Полякъ съ своимъ свободнымъ братомъ,
А мы братались съ полякомъ,
Покамѣстъ третій Сигизмундъ
Съ проклятыми его ксендзами
Насъ не разрозднли. Вотъ такъ
Стряслася та бѣда надъ нами.

Во имя Господа Христа
И Матери Его Святой
Поляки поднялись войной;
Святыя Божія мѣста
Ксендзы прокляты осквернили;
Земля казачья занялась
И кровью, сынъ мой, облилась,
И за могилою могила,
Какъ будто горы, поросли
По лику родины-земли...

Я жилъ на хуторѣ...

. . . . . .

Я старъ былъ, немощенъ. Послалъ
Табунъ коней я для обоза,
Снарядовъ съ пушкою два воза,
Пшена, пшеницы,—что набралъ,
И всѣ пожитки я отдалъ
Моей родимой Украинѣ—
И трехъ сыновъ своихъ. Пускай,
Я думалъ, грѣшный передъ Богомъ,
И отъ меня, хотя немного,
Пойдетъ за нашъ родимый край,
За церковь Божью, за народъ;
А я молиться въ хатѣ буду,
Коль не имѣю силы встать
И руку на врага поднять.
Такъ слушай,—насъ въ дому осталось:
Данило—вѣрный другъ, да я,
Да Фрося—доченька моя;
Она лишь только поднималась
И только-только наливалась,
Какъ та черешенька. За грѣхъ,
За тяжкій, можетъ, грѣхъ великій,
Не допустилъ Святой Владыко
Нарадоваться до конца
Мнѣ дочкой милой...

Не ходили
Ксендзы по селамъ, а возили
Ихъ люди изъ села въ село.
Такъ вотъ какъ было! Разъ проклятыхъ
Ко мнѣ ихъ ночью занесло;
А съ ними бѣшеная челядь
Съ драгунами... О, дай же мнѣ
Когда-нибудь, мой Боже милый,
На свѣтъ Твой выйти изъ могилы,—
Сожгу всю шляхту на огнѣ!
Они, они,—ты не страшись,—
Съ моею дочкой заперлись,
Ксендзы проклятые.—Я видѣлъ.
А челядь пьяная легла
Въ сараѣ на соломѣ спать,—
Драгуны съ ними. Мы съ Даниломъ
Сноповъ соломы наносили,
Со всѣхъ сторонъ ихъ запалили!
Не встанутъ, проклятые, вновь,
Чтобъ пить казачью нашу кровь!
Тамъ всѣ до одного сгорѣли.
И Фрося бѣдная моя
Сгорѣла съ проклятыми. Я
Пришелъ съ Даниломъ, посмотрѣли,
Вкопали крестъ и на коняхъ
Къ войскамъ мы вмѣстѣ полетѣли;
Сыновъ всѣхъ трехъ монхъ нашли
И въ добрый часъ мы полегли
Тутъ вмѣстѣ...

А какъ мы бились, умирали!
За что жъ мы головы складали
Въ могилы эти? Будешь жить,
О нашей славѣ ты узнаешь:
Не даромъ головы сложить
Пришлось за родину. А можетъ,
И про могилы, и про насъ

Съ слѣпыми старцами по селамъ
Въ напѣвѣ думы невеселомъ
Живетъ молва...

1850.
Оренбургъ.

* * *

Невзгоды ль жизни, иль неволя,
Иль пережитые года
Разбили душу? Иль, быть можетъ,
Я ею не жилъ никогда?
Я душу чистую опошлилъ,
Живя средь пошлости людской;
Смѣясь же люди называютъ
Ее до сихъ поръ молодой,
И непорочной, и святой
Еще какою-то,—не знаю...
О, люди! Лживый родъ людской,—
Мнѣ душу чистую не вы ли
Такъ загрязнили, осквернили,
Что я теперь ужъ позабылъ,
Какъ чистымъ я когда-то былъ!..
И вы съ небесъ меня сманили,
По-своему писать учили;
Вы тяжкій камень положили
Мнѣ на дорогѣ и разбили
О камень сердце. Безъ пути
Куда же мнѣ теперь идти?
Теперь безъ цѣли я скитаюсь,
Себя и васъ, и все кляня;
Иду съ трудомъ и спотыкаюсь,
А вы смѣетесь на меня!..
Я плачу горькими слезами,—
Смѣюсь и плачу я съ тоской—
И надъ собою, и надъ вами,
И надъ погибшею душой!..

1850.
Оренбургъ.

* * *

Мнѣ снился сонъ: тамъ подъ горою,
Гдѣ вербы дремлютъ надъ водою,
Тамъ хатка бѣлая стоитъ,
А рядомъ съ ней старикъ сидитъ
И внука на рукахъ качаетъ.
И дальше снилось: вотъ сбѣгаетъ
Мать, улыбаяся, съ крыльца,
Цѣлуетъ сына и отца;
Ребенка на руки беретъ
И въ хату спать его несетъ.
Старикъ одинъ сидитъ и тихо
Онъ шепчетъ: «Гдѣ жъ ты, горе-лихо?»
Крестясь онъ «Отче нашъ» читаетъ;
Сквозь вербы солнышко сіетъ,
Садясь за дальнею горой;—
И спать идетъ старикъ домой...

1850.
Оренбургъ.

Марку Вовчку.

(На память 24 января 1859 г.).

Недавно я по-за Ураломъ
Блуждалъ и Господа просилъ,
Чтобъ наша слава не пропала,
Чтобъ наша рѣчь не умирала,—
И выпросилъ! Господь послалъ
Тебя намъ—кроткаго пророка
И обличителя жестокихъ
Людей несытыхъ... Жизнь моя,
Моя ты зоренька святая,
Моя ты сила молодая,—
Свѣти и обогрѣй меня

Святымъ огнемъ! Въ моей груди
Больное сердце разбуди;—
Я снова встану, оживу
И думу вольную на волю
Изъ гроба къ жизни воззову;
И думу вольную—о, доля,—
Твою думу назову!..

1859. 17. II.
Петербургъ.

Пѣсня.

(Ф. І. Черненку на память 22. IX. 1859.).

На горѣ-то макъ цвѣтетъ,
Подъ горой казакъ идетъ,—
У тоски своей пытаетъ—
Гдѣ-то доля обитаетъ?

Въ кабакахъ ли съ богачами,
Въ степи вольной съ чумаками?
Или доля въ чистомъ полѣ
Съ вѣтромъ вьется на раздольѣ?

Нѣтъ, не тамъ!—Она въ свѣтлицѣ
У красавицы дѣвицы
Въ полотенцахъ да платкахъ
Схоронилась въ сундукахъ!

1859. 7. VI.
Лихвинъ.

---

* * *

Есть у меня кари очи,—
Кого жъ взглядомъ приласкать?
Кого жъ, матушка родная, приласкать?

Есть у меня бѣлы руки,—
Кого жъ ими обнимать?
Кого жъ, матушка родная, обнимать?

Есть у меня рѣзвы ножки,—
Съ кѣмъ же буду танцовать?
Съ кѣмъ же, матушка родная, танцовать...

1859. 10. VI.
Пирятинъ.

Сестрѣ.

Минуя бѣдныя селенья
Въ Позадиѣпровской сторонѣ,—
Я думалъ: гдѣ жъ мнѣ пріютиться
И гдѣ найти мѣстечко мнѣ?
И снился сонъ мнѣ чудный, дивный:
Въ саду цвѣтами убрана,
Какъ будто красная дѣвица,
Стоитъ избушечка одна.
Широко вольный Диѣпръ разлился,
Сіяетъ, старый, и горитъ;
По-надъ Диѣпромъ, въ темномъ садочкѣ,
Подъ вишней бѣлой, въ холодочкѣ
Сестра голубушка сидитъ,
Какъ будто бы въ раю святая...
Многострадальная сестра
Меня бѣднягу поджидаетъ
Изъ-за широкаго Диѣпра,—
И видитъ: челнъ плыветъ дощатый,
Съ волною борется сѣдой—
То надъ волною восплывая,
То вновь скрываясь подъ волной.
«Мой милый братъ!»—кричитъ родная...
И я проснулся. Снова ты

На барщинѣ, а я въ неволѣ!
Не сбылись свѣтлыя мечты;—
Дорогу намъ загородили,
Иглистый тернъ и буреломъ!..
Молись, сестра!—Господь поможетъ,
Мы трудный путь легко пройдемъ!..

1859. 20. VII.
Черкассы.

N. N.

Какъ ты, она цвѣткомъ когда-то
На Іорданѣ процвѣла
И воплотила, вознесла
Святое слово надъ землею.
Ахъ, если бы Днѣстровскій цвѣтъ мой...
Нѣтъ! нѣтъ!—избави Богъ, распнутъ,
Въ Сибирь въ оковахъ поведутъ,—
И ты, цвѣтокъ мой беззащитный...
Я умолчу...
Веселый рай
Пошли ей, Господи. Подай
Ей долю счастія земного,
А большаго и не давай!
Да не бери ее весною
Въ свою обитель—свѣтлый рай:
Здѣсь на землѣ Твоей красою
Налюбоваться людямъ дай...

19. IV. 1859.
Петербургъ.

---

* * *

Когда-то глупой головою
Я думалъ: какъ съ бѣдою злою
На Божьемъ свѣтѣ буду жить
Людей и Господа хвалить?
Въ грязи, колодою гнилою
Валяться, стариться и гнить,—
Безслѣдно гибнуть! И на тризнѣ
Меня въ разграбленной отчизнѣ
Помянетъ кто? Гдѣ скрыться мнѣ?
Кругомъ Пилаты распинаютъ,
Морозятъ, жарятъ, припекаютъ
Людей на медленномъ огнѣ...

21. VII. 1859.
Черкассы.

Подражаніе Эдуарду Совѣ *).

Посажу на память милой
Грушу съ яблонею я,
А какъ вырастутъ,—подъ ними
Сядетъ милая моя;

Сядетъ съ дѣтками своими
Въ холодочкѣ отдыхать;

---

*) Въ изданіяхъ „Кобзаря“ до 1907 г. стих. это носило названіе „Антонію Совѣ“. Антоній Сова — псевдонимъ польскаго поэта Эдуарда Желиховскаго, который былъ сосланъ вмѣстѣ съ Шевченкомъ въ Орскую крѣпость. Шевченко взялъ имя поэта настоящее, а фамилію псевдонимную. Стих. это Шевченко написалъ тогда, когда задумалъ жениться. Въ письмѣ къ брату своему Варѳоломею онъ писалъ: „Осенью, когда окончишь полевыя работы и окопаешь нашу будущую усадьбу, выбери на ней получше мѣсто и посади яблоню и грушу“.

Я приду къ нимъ, сяду рядомъ,
Буду дѣткамъ груши рвать.

И скажу тогда тихонько
Я подругѣ дорогой:
«Я въ тотъ день садилъ деревья,
Какъ вѣнчались мы съ тобой».

Я скажу ей, что я счастливъ,
Что спокоенъ я душой.
А она отвѣтитъ: «Милый,
И я счастлива съ тобой».

19. XI. 1859.
Петербургъ.

Подражаніе Іезекіилю.

Восплачь, пророче, Сыне Божій,
И о князьяхъ, и о вельможахъ,
Владыкахъ всѣхъ, ихъ вопрошая:
Зачѣмъ мать ваша—псица злая—
Со львами дружбу завела?
И васъ, щенятъ, лихихъ и злобныхъ,
На Божій свѣтъ произвела?
И множила васъ всѣхъ проклятыхъ!—
Потомъ изъ васъ, щенятъ зубатыхъ,
Львы выросли! И вы людей,
Незлобныхъ, праведныхъ дѣтей,
Какъ коршунъ, слабыхъ куръ, дерете,
Клюете бѣшено и рвете!
А люди видятъ и молчатъ...
И, наконецъ, одинъ изъ львятъ
Попался имъ; его связали,
Въ оковы крѣпко заковали,
Въ Египетъ, въ каторгу сослали.

А мать спустила имъ тогда
Еще сердитѣе другого:
Не слышитъ плача онъ людского
И жретъ деревни, города.
Отъ рева вся земля дрожала,
Тряслась и въ страхѣ трепетала..
И этотъ левъ былъ полоненъ
И сосланъ въ дальній Вавилонъ;
Въ тюрьму его тамъ засадили
И челюсти ему скрутили,
Чтобы не слышно было рева
Царя несытаго земного.

. . . . . .

Идутъ,
Текутъ обычной чередою
Дни беззаконія и зла,
А львы, предавшися покою,
Судьбы не знаютъ брата-льва;
Растутъ какъ лозы, уповаютъ
На корень свой, уже гнилой
И слабосильный. Вѣтеръ съ поля
Дохнетъ широкою волной
И вихремъ грозно пронесется,—
Сомнетъ,—и ваше своеволье
Въ крови своей же захлебнется.
И вмѣсто львинаго рыканья
Услышатъ люди лишь стенанья
И горькій и безсильный плачъ.
И долго будетъ стонъ носиться,
Потомъ онъ въ притчу обратится,
. . . . . этотъ плачъ...

6. XII. 1859.
Петербургъ.

* * *

Давно, давно, еще въ дни оны,
Помпилій Нума, римскій царь,
Тотъ тихій, кроткій государь,
Уставши пишучи законы,
Пошелъ немного погулять
И отдохнуть; а отдохнувши,
Додумать, какъ бы наковать
Оковъ на римлянъ всѣхъ.—И, взявши
Побѣгъ молоденькой лозы,
Онъ петлю изъ него связалъ.
Вдругъ ненарокомъ увидалъ,
Какъ въ тѣнь, въ прохладу подъ платаномъ,
Въ цвѣтахъ легла дѣвица спать.
Должны Дріады уступать
Передъ такою красотою,
Передъ богинею такою!
Сама Эгерія въ лѣсу,
Увидя дѣвичью красу,
Повѣсилась бы! Что же Нума?
Смотрѣлъ на дѣвицу, и думалъ:
Какую бъ цѣпь еще сковать?..

28. V. 1860.
Петербургъ.

Лукерьѣ *).

Моя любовь! Мой милый друже!
Намъ нѣту вѣры безъ креста!
Намъ нѣту вѣры безъ попа!..

---

*) Лукерья Полусмакова—молодая дѣвушка, украинка, жила въ Петербургѣ въ прислугахъ у знакомыхъ Шевченка; къ ней сватался Шевченко въ 1860 г. Л. Полусмакова жива и до сихъ поръ.

Рабы безсильные, нѣмые
Заснули, словно свиньи въ лужѣ,
Въ своей неволѣ. Мой ты друже!
Моя любовь ты! Не клянись,
Ни передъ кѣмъ ты не молись
И не крестись!—Все брешутъ люди...
Лишь только Богъ насъ не обманетъ,
Карать и миловать не станетъ:
Мы не рабы его, мы дѣти,
Людьми живемъ на бѣломъ свѣтѣ.
Моя любовь ты!—усмѣхнись,
Дай руку вольную, мой друже,
И Богъ поможетъ намъ пройти
По этой смрадной, грязной лужѣ,
Поможетъ горе донести
И схоронить его глубоко
Въ веселой хатѣ бѣлобокой...

5. VIII. 1860.
Стрѣльна.

Л.

Я построю себѣ хатку,
Вкругъ садочекъ разсажу;
Въ зеленомъ своемъ садочкѣ
Посижу и похожу.
И одинъ въ тѣни прохладной
Я въ садочкѣ лягу спать,
Дѣтокъ я во снѣ увижу
И веселую ихъ мать.
Сонъ давнишній мнѣ приснится...
Нѣтъ! Боюсь, сонъ будетъ злой:
Ты приснишься и разгонишь
То, что создано мечтой.

Ты украдкой тихо, тихо
Въ рай-садочекъ мой войдешь,
Натворишь въ немъ много горя
И огнемъ его сожжешь.

27. IX. 1860.
Петербургъ.

---

* * *

Росли они и подросли,
Играть по-дѣтски перестали
И не надолго разошлись,
Потомъ женой и мужемъ стали,
И дни ихъ весело пошли;
Душой и сердцемъ чисты были
Они до самаго конца,
А межъ людей они вѣдь жили!..
О, дай же, Господи Всещедрый,
И мнѣ расти такъ и цвѣсти,
Подругу жизни такъ найти
И, не сходя съ прямой дороги,
На тотъ свѣтъ тихо перейти!..

1860. 25. VI.
Петербургъ.

---

* * *

Нѣтъ, я на Бога не ропщу.
И людямъ зла я не желаю;
Себя обманываю я,—
Сижу и пѣсни распѣваю.
Свою я полосу пашу
И, словомъ добрымъ засѣвая,
Живу несбыточной мечтой

И дожидаюсь урожая,
Не обижая никого—
Себя лишь только одного!..

Разстилайся жъ, моя нива,
Доломъ да горою;
Поливайся, моя нива,
Волей золотою.
Разстилайся, моя нива,
Полемъ разстилайся;
Засѣвайся добрымъ житомъ,—
Долей поливайся!
Разстилайся шире, шире
Ты просторомъ смѣлымъ;
Но не словомъ засѣвайся—
Разумомъ да дѣломъ!
Выйдутъ въ пору люди жать—
То-то будетъ жниво!
Разстелись же, разверись же,
Убогая нива!..

1860. 5. x.
Петербургъ.

* * *

Промчались годы молодые,
Мечты не сбылись дорогія
И отъ надежды золотой
Уже повѣяло зимой.
Сиди одинъ въ избѣ холодной
И слова некому сказать
И никого кругомъ не видно
Кому бы думы передать!
Сиди и жди—пока надежда
Тебя же, дурня, осмѣетъ
И думы гордыя развѣетъ,

Морозомъ очи окуетъ!
Сиди одинъ въ избѣ холодной,
И слова некому сказать,
И никого кругомъ не видно,
Вернуть дни счастія былого,—
Садочекъ твой позеленитъ,
Твои надежды обновить
И дать тебѣ иную долю!
И дума вольная на волю
Уже не вырвется. Сиди
И больше ничего не жди!..

1860. 18. х.
Петербургъ.

———— ○ ————

* * *

И тутъ и тамъ—кругомъ погано!
Душа моя проснулась рано,
Напряла мало—и легла,
А воля душу стерегла.
— «Проснись и волю дай слезамъ,—
Не выйдетъ больше солнце къ намъ;
Не будетъ правды на землѣ—
И все потонетъ въ темной мглѣ»,—
Такъ говорила воля мнѣ,
И было страшно въ тишинѣ...
Но часъ придетъ—и солнце встанетъ,
День за собою приведетъ—
И все гнетущее погибнетъ,
И снова правда оживетъ.

1860. 30. х.
Петербургъ.

———— ○ ————

* * *

— А что, не бросить ли намъ, Муза, *)
Стихи ненужные писать;—
Пора въ далекую дорогу
Съ добромъ воза намъ отправлять!
Поѣдемъ, другъ мой, прямо къ Богу—
Спокойно спать и отдыхать.
Устали мы, поизмотались,
Но разуму таки набрались,—
Довольно съ насъ! Идемъ же спать,
Идемъ же въ хату почивать!
Найдемъ мы вѣчный тамъ покой—
Въ веселой, новой хатѣ той!..

— Подожди, не ходи,—
Рано другъ мой, рано,
Походи, посиди,
Да на свѣтъ погляди,—
Какъ онъ воленъ, широкъ,
Какъ онъ ясенъ, глубокъ!..
— Что же, Муза, пойдемъ,
Мы на гору взойдемъ;
Будутъ звѣзды на насъ—
Твои сестры—сіять,
И молитву Творцу
Будемъ вмѣстѣ слагать.
Помолясь, отойду
Къ вѣчному покою,—
Ты меня осѣни
Славою святою!..

А пока и то и сё,—
Просто къ доктору пойдемъ

*) Стихи эти (должно быть „Къ Музѣ"), надо предполагать,— послѣдніе стихи Т. Г. Шевченки. На подлинникѣ подъ первою частью стихотв., послѣ словъ „Славою святою", стоитъ „14 февраля", а подъ второю половиною дня не обозначено.

Потѣчиться;—дань ему,
Другъ мой милый, отнесемъ.
Можетъ, онъ обманетъ Парку
И Харона-старика,
И съ лѣкарствами своими
Старый возится пока,—
Будетъ время позаняться
И стихами снова намъ,—
Написали бъ кучу прозы
На съѣденіе мышамъ!..

Но пока огонь священный
Въ сердцѣ, другъ мой, не погасъ,
Мы попросимъ-ка Харона
Перевесть чрезъ Лету насъ.

Черезъ Лету, другъ, бездонную
Мы съ тобой переплывемъ;
Нашу славу вѣковѣчную
Мы съ собой перенесемъ.
Или, впрочемъ обойдемся,—
Безъ нея мы проживемъ!..

И надъ Стиксомъ, какъ въ раю,
Какъ будто надъ Днѣпромъ-рѣкою,
Поставлю хаточку свою,—
И заживемъ, мой другъ, съ тобою!
Вишневый садикъ возлѣ хатки
Я самъ съ любовью насажу,—
И прилетишь ко мнѣ туда ты,—
Тебя, какъ кралю, посажу!
И, сидя, вспомнимъ мы съ тобою
Родимый Днѣпръ въ краю родномъ,
Родныя сёла и могилы,—
И пѣсню весело споемъ!..

1861. 14—25. II.
Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Т. Г. Шевченко	3
На вѣчную память Котляревскому	13
Перебендя	16
Думы	19
Н. Маркевичу	23
Тяжко, тяжко жить	24
Буйный вѣтеръ	25
Дѣвичьи ночи	26
Пустая хата	27
Н. В. Гоголю	28
„Еретикъ“ или „Иванъ Гусъ“	29
Субботовъ	40
Кавказъ	41
Мертвымъ и живымъ	46
Холодный яръ	54
Маленькой Марьянѣ	56
Идутъ, проходятъ дни	57
Три года	58
Завѣщаніе	61
Русалка	61
Вѣдьма	63
Охъ, одна я, одна	84
За байракомъ—байракъ	84
Что все ходишь на могилу	85
Три дороги	86
Н. И. Костомарову	89
Не спалося, а ночь какъ море	90
Сойдемся ли съ тобой	92
Сонъ	93
Друзья, припомните	98
Въ неволѣ тяжко	99
Солнце за горы садится	99
Мнѣ снилось, снова я	100
И самому чудно	102
Платокъ	102
А. О. Козачковскому	104
Такъ вотъ и я теперь пишу	109
Начну-ка вновь стихи	109

Стр.

Ой, взгляну ли, посмотрю ли 110
Ну, что, подумаешь, слова 111
Когда бы встрѣтились мы 112
Пророкъ 113
Туманно небо, хмуры тучи 114
Не для васъ я, люди-братья 115
Съ безталаннымъ сиротою 116
Родилася я въ палатахъ 116
Ужъ какъ я ли муженька 117
Пойду, выйду на улицу 118
Туманъ, туманъ пеленою 118
Во лѣсочекъ я ходила 119
Если бъ бусы мать дала 120
Изъ-за лѣсу солнце 121
Разскажи мнѣ, отчего ты 121
Ахъ, не вѣтеръ въ полѣ 122
Въ воскресеніе раненько 123
И снова почта 124
Сижу въ неволѣ 125
Тучу бѣлую закрыла 125
Какъ будто степью 128
Словно гуси 129
Всѣ дороги на Украйну 130
Я гуляю ли, молюсь ли 131
Порой и старику 132
Ужъ не начать ли мнѣ 133
И золотой и дорогой 134
Мы вмѣстѣ съ ней 135
Подъ старость-то и мы 137
Считаю дни, считаю ночи 138
Когда бъ вы знали, господа 141
Бываетъ, въ неволѣ 143
Невзгоды ль жизни 147
Мнѣ снился сонъ 148
Марку Вовчку 148
Пѣсня 149
Есть у меня кари очи 149
Сестрѣ 150
N. N 151
Подр. Э. Совѣ 152
Подр. Iезекiилю 153
Давно, давно 155
Лукерьѣ 155
Л. 156
Росли они 157
Нѣтъ, я ни Бога 157
Промчались годы 158
И тутъ и тамъ 159
А что, не бросить ли намъ 160

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Ив. Ал. БѢЛОУСОВА.

„МАЛЫШИ“.
Разсказы и стихи. Изд. 5-е А. Д. Ступина. Цѣна 30 коп.

„МАМИНЫ СКАЗКИ И РАЗСКАЗЫ“.
Изданіе 3-е журнала „Свѣтлячекъ“. Цѣна 40 коп.

„ИЗЪ ПѢСЕНЪ О ТРУДѢ“.
Стихи. Изд. 3-е журнала „Дѣтское чтеніе“. Цѣна 25 коп.

„РОСИНКИ“.
Разсказы и стихи. Изд. 2-е журн. „Дѣтское чтеніе“. Цѣна 25 коп.

„ВЕСЕННІЕ ГОСТИ“.
Стихи. Изд. журнала „Дѣтское чтеніе“. Цѣна 25 коп.

„РОДНОЙ УГОЛОКЪ“.
Разсказы и стихи. Изд. журн. „Дѣтское чтеніе“. Цѣна 20 коп.

„ИНОСТРАННЫЕ НАРОДНЫЕ ПОЭТЫ“.
Изданіе 2-е журнала „Дѣтское чтеніе“. Цѣна 30 коп.

„ПТИЧЬЯ СТАЙКА“.
Разсказы и стихи. Изд. 2-е Д. П. Ефимова. Цѣна 25 коп.

„ВЪ РОДНЫХЪ ПОЛЯХЪ“.
Стихи. Изданіе Д. П. Ефимова. Цѣна 20 коп.

„МОИМЪ ДѢТКАМЪ“.
Разсказы. Изд. 3-е маг. „Сотрудникъ школъ“. Цѣна 25 коп.

„ИСКРЕННІЯ ПѢСНИ“.
Стихи. Изданіе С. В. Курнина. Цѣна 30 коп.

„ЛАСТОЧКИ“.
Стихи для дѣтей. Изданіе журн. „Свѣтлячекъ“. Цѣна 45 коп.

Всѣ книги иллюстрированы.